

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка

ШИПУНОВА Виктория Владиславовна

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЖЕНСКОМ
РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ ДИНЫ РУБИНОЙ) И СПОСОБЫ ИХ
ПЕРЕДАЧИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Выпускная квалификационная работа
на соискание степени магистра филологии

Научный руководитель: д. филол. н., доц. Д. В. Руднев

Рецензент: д. филол. н., проф. В. А. Ефремов

Санкт-Петербург

2016

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Теоретические основы исследования	6
1.1. Категории экспрессивности, эмоциональности и эмотивности в системе языка.....	6
1.1.1. Проблема разграничения экспрессивности и эмоциональности	6
1.1.2. Эмоции и экспрессия. Категория эмотивности	12
1.1.3. Категория оценки.....	15
1.2. Восклицательные предложения как объект синтаксического исследования	17
1.2.1. Понятие предложения и высказывания	17
1.2.2. Грамматический статус восклицательного предложения.....	19
1.2.3. Графическое оформление восклицательного предложения в русском и английском языках.....	24
1.3. Место восклицательных высказываний в классификации речевых актов	28
1.4. Роман Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» как образец современной женской прозы.....	30
Выводы по главе I	37
Глава II. Комплексный анализ восклицаний в тексте романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..»	38
2.1. Восклицания в тексте романов, написанных женщинами и мужчинами ..	38
2.2. Особенности графического оформления восклицательных предложений в русском тексте и его английском переводе.....	40
2.3. Коммуникативные типы восклицательных высказываний	49
2.3.1. Репрезентативные восклицания	50
2.3.2. Директивные восклицания.....	52
2.3.3. Комиссивные восклицания	53

2.3.4. Эротетивные восклицания	55
2.3.5. Вокативные восклицания	56
2.3.6. Сатисфактивные восклицания	58
2.3.7. Фатические восклицания	59
2.3.8. Релятивные восклицания	61
2.3.9. Назывные восклицания	64
2.3.10. Оценочные восклицания	65
2.4. Комплексные ситуации	66
Выводы по главе II	70
Заключение	72
Библиография	74
Список словарей и справочников	80
Электронные ресурсы	80

Введение

Современная лингвистическая наука изучает язык с позиций антропоцентризма, помещая в центр исследовательского внимания формы проявления человека в языке. Это объясняет интерес лингвистов к гендерной проблематике, к исследованию гендерных особенностей речи. Гендерные различия речи мужчин и женщин имеют качественное и количественное проявление. К числу особенностей женского речевого поведения является повышенная экспрессивность речи, которая на письме проявляется в увеличенной доле восклицательных предложений. Эмоциональная и экспрессивная речь является неотъемлемым компонентом повседневного общения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле современных коммуникативно-семантических и гендерных исследований. Несмотря на значительное число работ, выполненных в рамках этих подходов, особенности синтаксических средств передачи экспрессивности остаются недостаточно изученными, а исследований, посвященных восклицаниям в контексте женской прозы, ранее не проводилось.

Целью магистерской диссертации является изучение прагматического потенциала восклицательного предложения в современной женской прозе.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие конкретные **задачи**:

1. рассмотреть восклицательность как синтаксическую форму выражения эмоциональности;
2. определить основные особенности женского речевого поведения;
3. выделить особенности графического оформления восклицаний в русском и английском языках;

4. определить коммуникативно-семантические типы восклицательных высказываний;
5. рассмотреть функционирование этих типов в монологической и диалогической речи.

Гипотеза исследования – текст современной женской прозы насыщен восклицательными высказываниями, употребляемыми в разных ситуациях, но всегда направленных на повышение успешности коммуникации.

Для проведения данной работы использованы следующие **методы**: метод структурно-синтаксического анализа, метод коммуникативно-семантического моделирования и методы сопоставительного и количественного анализа.

Объектом исследования данной выпускной квалификационной работы является текст романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..». **Предметом** исследования являются восклицательные высказывания как в диалогической, так и в авторской речи.

Теоретической основой данной работы послужили исследования отечественных лингвистов, в частности: В. В. Виноградова, Н. М. Габриэлян, В. Г. Гака, Е. М. Галкиной-Федорук, В. В. Лопатина, А. М. Пешковского, Г. Г. Почепцова, В. И. Шаховского, Н. Ю. Шведовой, Н. Л. Шубиной, а также зарубежных авторов: D. Crystal, S. Greenbaum, M. A. K. Halliday, R. Jakobson, R. Quirk, A. Stilman, G. Woods.

Материал исследования собран методом сплошной выборки с 550 страниц текста романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» (1996), а также его перевода на английский язык “Here Comes the Messiah!” (2000) на основании наличия восклицательного знака. Общий объем примеров из русского текста составляет 990 восклицательных высказываний, представленных в контексте.

Структура работы: работа состоит из Введения, 2-х глав, Заключения, списка использованной литературы и словарей. Во Введении обосновывается актуальность исследования, определяются его предмет, цель и задачи, а также

методы исследования, выдвигается гипотеза. В Главе I «Теоретические основы исследования» представлен обзор содержания изученных источников по данной проблеме и формирование теоретической базы для последующего исследования. В Главе II «Комплексный анализ восклицаний в тексте романа Дины Рубиной “Вот идёт Мессия!..”» представлена практическая часть исследования, где приводится классификация собранного материала на базе изученного теоретического. Обе главы делятся на более мелкие разделы, каждый из которых раскрывает более конкретную тему. В Заключение обобщены результаты исследования.

Глава I. Теоретические основы исследования

1.1. Категории экспрессивности, эмоциональности и эмотивности в системе языка

1.1.1. Проблема разграничения экспрессивности и эмоциональности

При разговоре о прагматическом подходе и категории восклицательности в речи нельзя не затронуть такие понятия, как экспрессивность и эмоциональность. Однако проблема их разграничения в языке по-прежнему остается неразрешенной, так как в лингвистике до настоящего времени нет единого взгляда относительно определения данных понятий. Их анализу посвящены работы по общему языкознанию К. Бюлера, Р. Якобсона, исследования на материале разных языков В. В. Виноградова, О. В. Александровой, Г. Н. Акимовой, В. Г. Гака, Е. М. Галкиной-Федорук, Д. С. Писарева, В. И. Шаховского и других. Рассмотрение разных точек зрения позволяет выделить два основных подхода: разграничение и отождествление понятий экспрессивности и эмоциональности как категорий функциональной системы языка.

Прежде, чем начать рассмотрение собственно понятий экспрессивности и эмоциональности, стоит обратиться к работам посвященным функциям языка. В работах по общему языкознанию К. Бюлер, Р. О. Якобсон, и позднее Д. Кристал строят разные модели языка в рамках функциональных систем. В этих моделях выделяются различные функции, и среди них всегда находит место экспрессивная. Однако ученые под одним и тем же названием «экспрессивная» имеют в виду разные понятия.

В начале 20 века К. Бюлер выделял три функции языка: 1) экспрессивную, соотносимую с говорящим, 2) апеллятивную, соотносимую со слушающим, 3) репрезентативную, соотносимую с сообщением. Так, язык команд полностью нацелен на апеллятивную функцию, а ласкательные слова и ругательства — на экспрессивную и апеллятивную функции в равной степени. Как пишет Бюлер,

можно заставить своего собеседника замолчать, лишь повысив тон, потому что в ругани, как и в музыке, почти всё зависит от него (Бюлер 1993: 35–38).

Р. О. Якобсон выделяет шесть факторов языка и шесть соответствующих им функций: референтивную, конативную, эмотивную, поэтическую, фатическую и метаязыковую (Якобсон 1975: 198). По мнению ученого, практически невозможно найти сообщения, выполняющие только одну функцию, однако центральной функцией многих сообщения является референтивная функция, ориентированная на контекст и описывающая обозначаемый предмет. Якобсон называет эмотивную функцию «так называемая эмотивная или экспрессивная», то есть не разделяя этих двух понятий, и утверждает, что она сосредоточена на адресате и имеет своей целью непосредственное выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит. Эта функция, связанная со стремлением произвести впечатление наличия подлинных или притворных эмоций, в чистом виде проявляется в междометиях. Однако можно сказать, что она окрашивает все высказывания на звуковом, грамматическом и лексическом уровнях. Не стоит также считать, что экспрессивная функция нацелена только на выражение эмоций, потому что, используя экспрессивные элементы для выражения гнева или иронии, человек также передает информацию. Конативная функция ориентирована на адресата и находит свое выражение в повелительном наклонении, высказывания в котором не могут быть истинны или ложны, тем самым отличаясь от чисто повествовательных.

Якобсон отмечает, что референтивная, конативная и эмотивная функции соотносятся с функциями, описанными Бюлером, однако выделяет еще три фактора языка и три соответствующие им функции. Фатическая функция имеет направленность на контакт и осуществляется посредством обмена ритуальными формулами, целью которых является поддержание коммуникации. Метаязыковая функция помогает говорящим понять, используют ли они один

код. Поэтическая функция выражает сосредоточение внимания на сообщении ради него самого. Она проявляется не только в поэзии, но выступает как вторичный компонент во всех видах речевой деятельности (Якобсон 1975: 198–203).

Д. Кристал выделяет восемь основных функций языка: информативную, идентифицирующую, экспрессивную, перформативную, историческую, эстетическую, эвристическую и социальную (Crystal 1990: 124–126). Он пишет о том, что информативная функция служит для передачи информации и некоторыми считается единственной функцией языка. Однако другие функции также важны. Например, идентифицирующая показывает окружающим, кем является человек, к какой среде или роду деятельности он относится. Как пишет Кристал, для экспрессивной функции часто используются звукоподражательные местоимения, которые, строго говоря, не наделены определенным смыслом, в других случаях человек прибегает к фонетическому уровню языка: интонации, громкости и тону. Человек пользуется экспрессивной функцией чаще всего для выражения эмоций, а не передачи информации, что, как нам кажется, отличает точку зрения Кристала от позиции Якобсона. Во взглядах этих двух ученых есть и другие различия, например, функцию, которую Якобсон называл фатической, Кристал называет социальной.

Основоположник функциональной лингвистики М. А. К. Халлидей подчеркивал взаимосвязь между грамматической системой, а также социальными и личностными потребностями, реализуемыми при использовании языка. Поэтому он описал не просто функции, а сформулировал три метафункции языка: 1) идеационную (ideational); 2) интерперсональную (interpersonal); 3) текстовую (textual) (Halliday 2009: 62, 85). Идеационная метафункция отвечает за содержательную сторону языка и констатирует предметно-изобразительную реальность. Она сочетается с референтивной и конативной функциями, выделенными Якобсоном, так как с ее помощью

выражаются идеи, действия, события, основанные на опыте. Текстовая метафункция в свою очередь отвечает за создание текста, структурирование информации и связь между различными частями высказываний. Интерперсональная метафункция определяет социальные отношения, ее задача заключается в выражении оценок, суждений, указании направления развития, она используется в отношениях между людьми и их взглядами, что сближает ее с эмотивной функцией Якобсона. Именно поэтому нам кажется, что экспрессивность ближе всего этой метафункции, хотя Халлидей однозначно не приписывает данную категорию ни одной из своих метафункций.

Рассмотрев функции языка, выделенные разными учеными, стоит отметить, что в речевой деятельности, которую Л. В. Щерба определяет, как «процессы говорения и понимания» (Щерба 1974: 24), экспрессивность в основном выражается в функциях, связанных с говорящим и с тем, как он осуществляет контакт со слушающим, независимо от того, как эти функции были названы. Однако и в функциях, с помощью которых выражаются команды и которые ориентируются на адресата, говорящий вкладывает экспрессивность. Таким образом, из функций, сформулированных Якобсоном, экспрессивностью могут обладать конативная, эмотивная, фатическая и поэтическая функции, а в классификации Кристала – идентифицирующая, экспрессивная, перформативная, эстетическая, эвристическая и социальная.

Таким образом, в данной работе мы обращаем внимание не только на функции, которые названы экспрессивными или эмотивными, но рассматриваем весь спектр функций языка/речи.

1) Напомним, что существует два подхода: разграничение и отождествление понятий экспрессивности и эмоциональности. Определив место, которое занимает экспрессивность среди функций языка, рассмотрим **первый подход: отождествление данных понятий.**

В отечественной лингвистике отождествление этих понятий находит свое отражение в трудах исследователей разных языков О. В. Александровой, В. В. Виноградова, Т. В. Матвеевой и других. В лингвистическом энциклопедическом словаре понятие экспрессивность раскрывается следующим образом: «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» (словарь 1: 591).

Р. Р. Чайковский определяет экспрессивность как «свойство синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» (Чайковский 1971: 196). Согласно В. В. Виноградову, экспрессивность включает в себя эмоциональность и образность, так как именно они служат средством усиления впечатления (Виноградов 1972: 21).

В своей книге «Проблемы экспрессивного синтаксиса» на материале английского языка О. В. Александрова пишет о том, что экспрессивность затрагивает все сферы языка и арсенал средств выразительности экспрессивности является необозримым. Автор отмечает, что экспрессивная функция языка заключается в способности выражать эмоциональное состояние говорящего, а также его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности (Александрова 1984: 7).

Т. В. Матвеева не разделяет понятия экспрессивности и эмоциональности как противоположные и рассматривает определенные элементы контекста как текстовые показатели эмоциональности и экспрессивности (Матвеева 1986: 21).

Таким образом, целый ряд исследователей рассматривает понятия экспрессивности и эмоциональности как единое целое.

2) **Второй подход: разграничение понятий экспрессивности и эмоциональности.** В работах исследователей разных языков, таких как Г. Н. Акимова, Е. М. Галкина-Федорук, Т. В. Куралёва и других, находит отражение эта точка зрения.

В известной статье «Об экспрессивности и эмоциональности в языке» Е. М. Галкина-Федорук пишет о том, что экспрессивность — гораздо шире эмоциональности. Эмоциональные элементы языка служат для выражения чувств человека, в то время как экспрессивные элементы — для усиления выразительности и изобразительности, как при выражении эмоции, воли, так и при выражении мысли. Экспрессия может выражаться не обязательно в речи, но в том числе в мимике и жестах человека. К тому же экспрессия возможна и без эмоций: «выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессивность в языке не всегда эмоциональна» (Галкина-Федорук 1958: 107, 121). Точки зрения Галкиной-Федорук придерживаются многие другие исследователи (В. Г. Гак, С. Л. Нистратова, И. А. Скрипак). Экспрессивность характеризует выразительность речи индивида, усиливает ее воздействие на слушающего, пытаясь поразить или убедить его (Гак 1972: 361). Для экспрессивности главным является ориентация высказывания на адресата с целью воздействия на его восприятие (Нистратова 2004: 143). Эмоциональность называется одной из функций воздействия экспрессии, показывающей субъективные внутренние состояния, переживания и эмоции говорящего (Скрипак 2013: 170).

Г. Н. Акимова пишет о еще одном важном аспекте разграничения категорий эмоциональности и экспрессивности. Эмоции — произвольны и непреднамеренны благодаря своей связи с чувствами, в то время как экспрессия — это средство воздействия, и применяется оно совершенно осознанно (Акимова 1990: 81–82).

Нередко исследователи сходятся в убеждении, что экспрессивность высказывания является важным инструментом воздействия на читателя или

слушателя. Эту точку зрения поддерживает Д. С. Писарев, который отмечает, что поскольку экспрессивность ориентирована на адресата, то можно сделать вывод, что она имеет прагматическое значение (Писарев 1983: 121). В то же время Е. С. Баскакова подчеркивает, что стоит различать эмоциональное синтаксическое качество, которое является реализацией эмоций автора текста и экспрессивное синтаксическое качество, являющееся средством воздействия на читателя, проявлением прагматического начала (Баскакова 2009: 10). Т. В. Куралёва в свою очередь связывает экспрессивность с функцией воздействия на адресата и усилением прагматической выделенности высказывания. При этом экспрессивность тесно связывается с эмотивностью (выражение эмоций посредством языковых средств) (Куралёва 2013: 84).

В ряде работ исследователи выделяют неравнозначную по своей природе семантическую и стилистическую экспрессивность. Семантическая категория экспрессивности связана с экспрессивной функцией языка, «имеющей определенную систему средств на разных уровнях языка и служащих для реального ее воплощения в речи» (Лукьянова 1986: 79). Стилистическая же экспрессивность — это явление речевое, «сознательно формируемое автором с помощью системы экспрессивных языковых средств и стилистических приемов» (Шаховский 1986: 33).

На наш взгляд, для принятия решения об отождествлении или разграничении понятий экспрессивности и эмоциональности необходимо рассмотреть категорию эмотивности.

1.1.2. Эмоции и экспрессия. Категория эмотивности

Большой вклад в изучение эмоций в отечественной лингвистике сделал В. И. Шаховский. Он пишет о том, что человек обладает эмоциональной сущностью, и движет им именно эмоция, а не рациональность или сознание, поэтому человек часто поступает неправильно за счет эмоционального решения. При этом интеллект никогда не остается один на один без эмоций, что

доказывает центральную роль эмоций в человеческой психике (Шаховский 2005).

Эмоции или чувства показывают отношение человека к окружающей действительности, при этом они могут быть выражены как словесно, так и другими способами. С. Э. Носкова подчеркивает, что комфортное общение основывается на переживании и демонстрации эмоций и чувств, при этом эмоциональную оценку могут вызывать разные аспекты внешнего вида, поведения или характера человека (Носкова 2005). Выражение эмоций играет важную роль в организации высказывания, а также и всего текста в целом. В. Г. Гак пишет о том, что следует различать выражение эмоций и сообщение о них. Эмоции выражаются интонацией, которая присутствует всегда, особыми лексическими средствами (например, междометиями) или специализированными типами предложений, эмотивными предложениями (Гак 1996: 21).

Существует точка зрения, согласно которой необходимо разграничивать понятия эмоции и экспрессии. Эмоции — это чувства (такие как радость, печаль, страх и другие). Также это переживания, волнения, аффективные состояние, нарушающие психическое или физическое равновесие человека, а экспрессия — это их продукт. Эмоции возникают под влиянием внешних и внутренних импульсов, а экспрессия, в свою очередь, зарождается под воздействием эмоций. Таким образом, можно сказать, что эмоция предшествует экспрессии, лежит в ее основе (Тошович 2006: 15–16).

Разногласия существуют и относительно понятий эмоциональности и эмотивности. Эмоциональность — понятие из области психологии, которое в психологическом словаре определяется как «свойство человека, характеризующее содержание, качество и динамику его эмоций и чувств» (Психологический словарь: электронный ресурс). Исследователь эмотивной семантики языка Шаховский пишет о том, что эмотивность относится к

лингвистике, а эмоциональность — к психологии. «Эмотивный — то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике» (Шаховский 2008: 24). Исследователь также отмечает, что эмотивность имеет план выражения и план содержания, через которые манифестируются эмоциональные отношения или состояния говорящих (Шаховский 1987: 24).

Если интерпретировать это различие с точки зрения функций языка, то в работах Р. Якобсона и Д. Кристала эмотивная (или экспрессивная) функция языковых единиц определена способностью говорящего осмыслить и словесно выразить эмоции, т.е. осуществить выбор конкретной языковой единицы, содержащей эмоциональную информацию.

С другой стороны, С. В. Коростова в своем исследовании, посвященном эмотивности как функционально-семантической категории, пришла к выводу, что эмотивность выражает эмоции, а не просто их описывает и является базовой категорией для формирования функционально-семантического поля (Коростова 2009: 91). Основные различия между эмотивностью и экспрессивностью заключаются в том, что эмотивность ориентирована на говорящего и позволяет ярче выразить свое отношение к событию. Эмотивность — это по сути те чувства, которые испытывает говорящий, а экспрессивность способствует убеждению и воздействию на волю слушающего, при этом эффект экспрессивности рассчитан на вызывание ответной реакции у слушающего (Ткаченко 2011: 2).

Таким образом, в отечественной и зарубежной лингвистике можно обнаружить целый спектр мнений относительно категорий экспрессивности, эмоциональности и эмотивности и их соотношения друг с другом. В данной работе все три понятия рассматриваются в комплексе, как категории одного функционального плана языка. Для проявления своей эмоциональности человек использует экспрессивные средства языка, поэтому кажется разумным выделение одного понятия экспрессивности для дальнейшего исследования. Так

как в основе этих категорий лежит способность человека эмоционально оценивать ту или иную ситуацию, то необходимо также рассмотреть категорию оценки.

1.1.3. Категория оценки

В своей речи человек не может избежать оценивания ситуации или предмета своего разговора. Категория оценки имеет большое значение для материала данного исследования, поскольку восклицательные реплики диалогов не только обладают экспрессивностью, но и несут оценку говорящего по отношению к происходящему в данной ситуации.

Структура оценки подразумевает наличие субъекта — лица, от которого исходит оценка, и объекта — лица, предмета или явления, к которому оценка относится (Вольф 2002: 22). Как пишет Е. М. Вольф, романист и специалист по общему языкознанию, можно выделить компонент, подразумевающий хорошее или плохое отношение субъекта оценки к объекту, который будет называться «оценочностью» или «эмотивностью» (Вольф 2002: 37), т.е. в данном контексте эти два термина не будут разделяться. Собственно оценочный, или «эмотивный», компонент характеризует такие глаголы, которые указывают на отношение субъекта к объекту, но не обозначают его свойств, например, «нравиться»/«не нравится» (Вольф 2002: 38). Также эмотивность выступает на первый план в выражениях типа «Какая прелесть!» или «Болван!» и при этом говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о его настоящих свойствах. Кроме того, Вольф подчеркивает, что эмотивность содержится во всех оценочных выражениях (Вольф 2002: 39).

В речи оценка выражается через эмоцию говорящего лица, поэтому, по мнению Н. А. Лукьяновой, сложно разделить категории эмоциональности и оценочности, вследствие чего возникло понятие «эмоциональная оценка» (Лукьянова 1991: 12). Под эмоциональной оценкой понимается интеллектуальная оценка кого-либо или чего-либо, которая была пропущена

через эмоциональную призму человеческой психики (Киселёва 1978: 17). В свою очередь Вольф считает, что разделение эмоциональной и рациональной оценок является условным, однако можно увидеть, какое начало положено в ту или иную оценку. Так, например, реакция на объект, выраженная междометиями («Ах!»), аффективными словами («Поразительно!») или словами-оскорблениями («Негодяй!»), является, в первую очередь, эмоциональной. Рациональная оценка предполагает оценочное суждение и специфические способы выражения, такие как, например, аксиологические предикаты («Я считаю, что это хорошо») (Вольф 2002: 40).

В оценке всегда присутствует как объективный, так и субъективный компонент, предполагающий положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту, что является важнейшей особенностью оценки (Вольф 2002: 22). Как пишет С. Э. Носкова, прагматическая сущность положительных и отрицательных оценок проявляется в принципе принижения или преувеличения достоинств объекта воздействия (Носкова 2005). Тем временем, Н. Норман отмечает такой широко известный факт, что оценочная шкала заметно сдвинута в негативную сторону: количество отрицательных оценок значительно превышает число положительных (Норман 2007). По мнению Вольф, это происходит оттого, что слова, имеющие нейтральную позицию в языке, с точки зрения оценки обычно оказываются отрицательными, так, например, «безразличный взгляд», «среднего качества» (Вольф 2002: 49–51).

Таким образом, для данной работы важной категорией является категория оценки, поскольку исследуемые восклицания часто несут в себе не только экспрессивность, но и оценку говорящего. При этом говорящий может выражать как эмоциональную, так и рациональную оценку.

1.2. Восклицательные предложения как объект синтаксического исследования

1.2.1. Понятие предложения и высказывания

Современная трактовка восклицательных предложений неизбежно связана с трактовкой этих единиц как единиц речи. В современной лингвистике существуют разные мнения относительно различий между предложением и высказыванием и сферой их функционирования.

Академик В. В. Виноградов дает следующее определение предложения: «грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли». При этом Виноградов отмечает, что предложению содержит и отношение говорящего, а не только какое-либо сообщение, поэтому предложение является основной формой общения в языке (Виноградов 1960: 65). Таким образом становится ясно, что в данном подходе нет противопоставления языка и речи. Хотя еще Ф. де Соссюр в «Курсе общей лингвистики» писал о том, что язык и речь невозможно объединить под одним углом зрения, несмотря на их тесную взаимосвязь, поскольку язык — это то общее, которое принадлежит коллективу людей, а проявления речи индивидуальны (Соссюр 1999: 26–27).

Однако достаточно распространенным является подход, согласно которому структурной единицей языка является предложение, а функциональной единицей языка/речи является высказывание. М. М. Бахтин подчеркивает, что так как предложение является единицей языка, оно не имеет контакта с внесловесной ситуацией, т.е. не имеет непосредственной связи с действительностью. Предложение имеет грамматическую законченность, единство и границы, а высказывание, которое в свою очередь является единицей речевого общения, имеет непосредственную связь с другими высказываниями. Оно обладает смысловой полноценностью и может вызывать

реакцию другого говорящего, ведь происходит не обмен предложениями, а обмен мыслями, т.е. высказываниями (Бахтин 1996: 176–178).

Разумеется, все высказывания строятся с помощью единиц языка (слов, словосочетаний, предложений), и не важно, будет оно содержать одно предложение или одно слово, между единицей языка и речи всё равно нельзя поставить знак равенства. Эту точку зрения разделяет В. Г. Гак, по мнению которого высказывание отличается от предложения тем, что при анализе высказывания важно то, как оно связано с ситуацией, а не то, какая у него синтаксическая организация (Гак 1998: 245–246).

Следует добавить, что предложения в письменном тексте и используемые непосредственно в момент общения различны по своей структуре. Например, Л. П. Чахоян отмечает, что следует различать предложения и высказывания как единицы, относящиеся к предикативному уровню (подлежащее–сказуемое) и единицы коммуникативного уровня. Предложения строятся по определенным моделям, четко закрепленным в языке, а высказывания возникают непосредственно в процессе общения. Форма высказывания определяется потребностями конкретной ситуации общения. В примере “*It’s quite a simple thing, you know — turning over a page*” семантико-синтаксические комплексы располагаются свободно, следовательно, это высказывание, значение которого можно выявить лишь в конкретных условиях коммуникации (Чахоян 1979: 24).

В отличие от значения предложения, значение высказывания заключено не только в его структуре, но и в содержании, т.е. актуально для конкретной ситуации общения. Таким образом, высказывания — это коммуникативные единицы, являющиеся объектом исследования коммуникативного процесса, в то время как предложения являются структурными единицами, рассматриваемыми при изучении письменного текста (Чахоян 1979: 25).

Поскольку в материал данного исследования включены как фрагменты авторского текста, так и реплики диалога, работа строится на рассмотрении не

только предложений, но и высказываний, являющихся элементом коммуникации. При этом коммуникативные типы могут быть выделены и на уровне предложения, и данная тема вызывает возникновение разных точек зрения, как и определение понятия предложения.

1.2.2. Грамматический статус восклицательного предложения

В теоретической грамматике проблема восклицательного предложения связана, с одной стороны, с рассмотрением высказывания как элемента грамматической системы, а с другой — с теми коммуникативными задачами, которые эти высказывания реализуют. Существует несколько функциональных классификаций предложения, однако невозможно найти в них полного единообразия. Различные лингвисты выделяют свои типы, и если во всех классификациях обязательно присутствуют повествовательные, побудительные и вопросительные предложения, то восклицательные предложения выделяются не всегда. В связи с этим выделяются два подхода: выделение и не выделение восклицательных предложений.

1) В отечественной и особенно в зарубежной лингвистике большое количество исследователей склоняется к той точке зрения, что **следует выделять отдельный тип восклицательных предложений**. Это мнение отражено в работах С. Гринбаума, Р. Квирка, Д. Кристала, Г. Лича, Дж. Свартвика, М. А. Беляевой, Е. С. Петровой, А. М. Пешковского и других.

Говоря о цели, с которой высказываются те или иные мысли, А. М. Пешковский разделяет речь на три типа: повествовательная, восклицательная и побудительная, которая в свою очередь делится на вопросительную и повелительную. При этом под восклицательной понимается речь, в которой сообщаются мысли и чувства, овладевающие говорящим по поводу этих мыслей. Для восклицательных предложений характерны некоторые особенности: 1) слова-междометия (*ах, эй, увы* и т.д., например, «*Ах, боже мой!*»); 2) особые восклицательные члены, которые, с одной стороны, обладают

самостоятельным значением, а с другой — вносят в предложение восклицательный смысл (*кто, что, какой, куда как* и т.д., например, «*Какие низости!*», «*Куда как хороши!*»); 3) при отсутствии предыдущих признаков должны иметь особую восклицательную интонацию в зависимости от того, какое именно чувство выражает говорящий (Пешковский 2001: 392–395).

Схожая точка зрения очень популярна среди отечественных и зарубежных лингвистов, занимающихся исследованием английского языка. Так, Р. Квирк и С. Гринбаум выделяют четыре вида предложения: утверждения, вопросы, приказы и восклицания. Восклицательные предложения, по словам авторов университетской грамматики, выражают некую предельную степень того или иного оценочного фактора, при этом сама оценка может быть опущена, так что смысл, вкладываемый автором, становится ясен только благодаря интонации. Например, восклицание “*What a book!*” может относиться как к плохой, так и к очень хорошей книге. По структуре восклицательные предложения начинаются с “*what*” (с именной группой) или “*how*”, и этот начальный элемент может замещать разные члены предложения. Например, дополнение: “*What a time we’ve had today!*” или обстоятельство: “*What a long time it lasted!*” (Quirk, Greenbaum 1976: 203). Такую же необходимость в местоимении “*what*” (“*What fine weather it is!*”) и наречии “*how*” (“*How clever he is!*”) видит М. А. Беляева, выделяющая 4 типа предложений: повествовательные, вопросительные, повелительные и восклицательные, и отмечающая, что последние могут быть как утвердительными, так и отрицательными (Беляева 1971: 268–269).

Д. Кристал, напротив, пишет о том, что восклицательные предложения, показывающие, что человек впечатлен или воодушевлен чем-то, обычно состоят из одного слова или короткой фразы, как например “*Gosh!*”, “*Oh dear!*” или “*Of all the nerve!*”, но могут быть выражены и полным предложением, структура которого выделяет их среди утверждений, вопросов и побуждений. В таком случае они начинаются с “*what*” или “*how*”, после которых следует подлежащее,

а потом сказуемое. Часто используется неполное предложение, в котором сохраняются лишь первые элементы: “*What a mess!*”, “*How nice!*”. Редко встречаются восклицательные предложения с обратным порядком слов: “*How often have I cursed that terrible day!*” (Crystal 1997: 219).

Придерживаясь точки зрения Кристала, авторы грамматики Longman обращают внимание не только на восклицательные предложения со специфической структурой, начинающиеся с “*what*” или “*how*”. Они пишут о том, что восклицательными могут стать обычные повелительные предложения (“*Look at that!*”), а также восклицание может быть экспрессивной безглагольной конструкцией (“*Oh, that's a shame!*”) (Biber, Johansson 2007: 219). Мнение о том, что восклицательное предложение не обязательно должно иметь специфические маркеры, поддерживает Е. С. Петрова, по словам которой, хотя восклицательные предложения и являются, как правило, малоинформативными, их стоит оформлять в отдельный коммуникативный тип (Петрова 2011: 253–254). Также стоит помнить, что восклицательные предложения выделяются по структурным признакам и могут не всегда на письме обозначаться восклицательным знаком.

Некоторые ученые также среди восклицаний выделяют эхо-восклицания (“*echo exclamations*”), которые так же, как эхо-вопросы, повторяют часть предыдущего высказывания, но с восклицательной интонацией, чаще всего выражая удивление: “*A: I'm going to London for a holiday. B: To LONdon! That's not my idea of a rest.*” (Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1972: 356). Возможно также выделение восклицательных вопросов, которые по форме напоминают общие вопросы, на письме оформляются с восклицательным знаком и произносятся с падающим тоном, а их автор хочет услышать в ответ согласие: “*Hasn't she grown! (She's grown very very much!)*” (Leech, Svartvik 2002: 119–120).

2) Однако в противовес этой точке зрения значительное число грамматистов, особенно исследователей русского языка, **не выделяют восклицательные предложения в отдельный коммуникативный тип**. Такой подход встречается в работах В. В. Бабайцевой, Н. С. Валгиной, В. В. Виноградова, И. П. Ивановой, В. В. Бурлаковой, Г. Г. Почепцова, Н. Ю. Шведовой и других.

Так, В. В. Виноградов, характеризуя предложения по цели высказывания, разделяет их на три большие группы: повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. В свою очередь предложение, принадлежащее любой из этих трех групп, может стать восклицательным, если будет произнесено с особой эмоциональной окраской. Эти предложения имеют различные эмоциональные значения и их можно разделить на две группы: 1) предложения, выражающие эмоционально-интеллектуальное отношение говорящего к каким-либо фактам действительности: уверенность, неуверенность, удивление, презрение, сомнение, недоверие и т.п.; и 2) предложения, выражающие собственно эмоциональные переживания говорящего: нежность, любовь, страх, ужас, ненависть и др. Несмотря на то, что восклицательные предложения не выделяются в отдельную группу, у них могут иметься специальные маркеры. Помимо интонации одним из способов выражения эмоций является употребление междометий (*«Ах, в самом деле рассвело!»*), а также использование эмоционально-усилительных частиц местоименного (*какой, такой, что за*) и наречного происхождения (*как, так, куда как*). Кроме того, эти способы выражения эмоциональности могут соединяться (*«Эх, братец, какой ты глупый!»*). Также отдельную группу восклицательных предложений составляют приветствия, пожелания, прощания и т.п., которые обычно произносятся с повышением тона (*«Здравствуй, Люба!»*) (Виноградов 1960: 354, 366–367).

Большинство исследователей вслед за Виноградовым выделяют те же три типа (повествовательные, вопросительные, побудительные) и говорят о том, что восклицательными могут быть любые по цели высказывания эмоционально окрашенные предложения. Таким образом, выделяются повествовательно-восклицательные, вопросительно-восклицательные и побудительно-восклицательные предложения (Бабайцева 1987: 68–69; Валгина 2003: 72–73; Вяткина 2009: 79–80). Важно помнить, что восклицательные предложения могут обладать любой структурой (простые и сложные, односоставные и двусоставные, а также нечленимые).

Н. Ю. Шведова также не выделяет восклицательные предложения в отдельный класс. Она пишет о том, что восклицательность является особым видом выражения экспрессивного отношения к сообщаемой информации и имеет свое интонационное оформление. При этом любые высказывания могут быть восклицательными и невосклицательными (Шведова 1980: 92).

Поддержку данного подхода (невыделения восклицательного предложения в отдельный тип) можно увидеть в исследованиях, проводимых на материале английского языка. В работе И. П. Ивановой, В. В. Бурлаковой, Г. Г. Почепцова говорится о том, что все предложения можно условно разделить на собственно предложения и квази-предложения, при этом среди собственно предложений выделяются повествовательные, вопросительные, оптативные и побудительные, а среди квази-предложений — вокативные, междометные и мета-коммуникативные. Каждому из данных типов предложения может быть придана особая эмоциональность при помощи интонационных средств. Проблема восклицательности для них — отдельная проблема. Ученые считают, что восклицательность является факультативным признаком предложения и при этом не относится к его структурной природе, а ассоциация некоторых типов предложений с восклицательностью — во многом

лишь следствие пунктуационной традиции (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 173–177).

Очень похожая точка зрения сформулирована в работах М. Я. Блоха и В. И. Шадрина. Авторами выражается мысль о том, что существует тип так называемых восклицательных предложений, однако его нельзя поставить на один уровень вместе с тремя основными коммуникативными типами: повествовательным, побудительным и вопросительным, так как у восклицательных высказываний отсутствует четкий набор отличительных черт (Blok 1983: 254–255; Shadrin 1997: 58–59).

В некоторых собственно английских грамматиках также находит отражение такая точка зрения. А. Даунинг и Ф. Локе пишут о том, что восклицательная интонация может быть применена к структурной единице любой длины, даже к одному слову (“*Splendid!*”), и в этом случае безглагольная конструкция становится отдельным восклицательным предложением (Downing, Locke 2006: 199–200).

Таким образом, несмотря на то, что не существует единого мнения о месте восклицательных предложений среди коммуникативных типов, рассмотрение разных точек зрения помогает сделать вывод об особом статусе категории восклицательности. Нам кажется, что стоит придерживаться второй точки зрения, согласно которой любое предложение (повествовательное, вопросительное, побудительное) может иметь эмоциональную окраску и становиться восклицательным. При этом предложение может иметь любую структуру, т.е. обладать или не обладать специальными вспомогательными словами (междометиями, местоимениями, наречиями).

1.2.3. Графическое оформление восклицательного предложения в русском и английском языках

При любом вмешательстве в авторский текст, будь то редакторская правка или перевод, одной из областей, наиболее подверженных изменениям, является

пунктуация. Вполне естественно, что после вмешательства в текст, он изменяется, но главная задача интерпретатора (корректора, редактора, переводчика) — не допустить искажения художественной идеи авторского текста.

Хотя кажется, что правке подвержены только разделительные знаки середины предложения (запятая, точка с запятой, двоеточие, тире) или выделительные знаки (скобки, кавычки, двойные тире), изменения могут коснуться и отделительных знаков позиции конца предложения (точки, вопросительного и восклицательного знаков). Вспоминается случай, описанный А. Э. Мильчиным в справочнике «Методика редактирования текста». Однажды писатель И. А. Гончаров отправил в издательство «Вестника Европы» письмо, в котором он изобразил большой восклицательный знак, составленный из множества маленьких, потому что при публикации его статьи «Милльон терзаний» о спектакле по пьесе Грибоедова «Горе от ума» в заглавии статьи был поставлен восклицательный знак без согласования этого с автором. Вероятно, редакция посчитала, что раз реплика Чацкого кончается восклицательным знаком, то он должен быть и в заглавии статьи. Однако Гончаров сопроводил свое письмо такой пояснительной запиской: «Примите, не-любезнейший Михайло Матвеевич, эти милльон восклицательных знаков за один таковой, напрасно поставленный при милльоне терзаний в заглавии. Чацкий восклицает, а не я. Я только привожу в заглавии его слова, как мотив, как главный звук, выражение его горя, составляющего содержание пьесы. Мне не от чего восклицать, поэтому у меня и стояла точка. Вы бы в следующей книжке между опечатками пояснили так: это, мол, восклицает не — автор статьи, а редактор, а сей последний — потому что испытывает при составлении каждой книжки "милльон терзаний"»¹. И хотя Гончаров несомненно прав в своем требовании,

---

¹ (Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. СПб., 1911. Т. 4. С. 117–118)

редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич не внес исправление в заглавие (Мильчин 2005: 501–503).

Как уже отмечалось в пункте 1.2.1, предложение квалифицируется как единица языка, а высказывание — как единица речи. В работе Н. Л. Шубиной отражена точка зрения, согласно которой пунктуация принимает участие как в организации предложений, так и высказываний, но по-разному. Так, отделительные знаки конца предложения (в частности, восклицательный знак, который интересен нам в рамках данного исследования) участвуют в формально-синтаксической организации предложения. В то же время они являются функциональными знаками, если речь идет об организации высказывания: они не только маркируют его границы, но и участвуют в оформлении высказывания по целеустановке (Шубина 2006: 112–115, 123–124).

Восклицательный знак ставится для того, чтобы показать соответствующую восклицательную интонацию, передать эмоциональную окраску высказывания. Кроме того, на конце предложения могут сочетаться два пунктуационных знака, например, вопросительный и восклицательный. Такое сочетание передает взаимодействие целевой установки (вопрос) и эмоциональной окраски (например, негодование, недоумение) (Лопатин 2007: 201–203).

В англоязычных источниках восклицательный знак также описывается как знак конца предложения, призванный подчеркнуть важность, выразить эмоцию, привлечь внимание (Stilman 1997: 120). Вместе с тем допускается использование сочетания вопросительного и восклицательного знака или нескольких восклицательных знаков вместе. Однако этот метод подчеркивания экспрессивности в справочниках признается нежелательным, потому что излишнее привлечение внимания к тому или иному фрагменту текста может выглядеть так, как будто писатель «перестарался», хотя, безусловно, для

диалогов в художественных произведениях может быть сделано исключение, так как они имитируют речь человека (Woods 2006: 35–36, Stilman 1997: 123).

Однако в некоторых случаях в двух пунктуационных системах (русского и английского языков) могут наблюдаться расхождения в области постановки восклицательного знака. Например, согласно современным «Правилам русской орфографии и пунктуации» восклицательный знак ставится после обращения: 1) при усилении эмоциональности; 2) если обращение представляет собой самостоятельное предложение (может ставиться не восклицательный знак, а многоточие); 3) в официальных письмах, где также принято выносить обращение в отдельную строку (Лопатин 2007: 273–275). В английском языке по правилам восклицательный знак после обращений не ставится, его заменяет запятая или в некоторых случаях двоеточие (в деловых письмах). Хотя, разумеется, в текстах художественной литературы или в личной переписке (в том числе, по электронной почте или в социальных сетях) восклицательный знак может ставиться, если нужно показать повышенную эмоциональность (Woods 2006: 53–60).

Если взять, например, пунктуационное оформление междометий и междометных устойчивых выражений, то в русском языке они отделяются запятыми, а при усилении эмоциональности используется восклицательный знак (Лопатин 2007: 276). В английском языке действует такая же логика за исключением междометия “O”, которое по правилам всегда пишется отдельно, с большой буквы и выделяется только восклицательным знаком (Woods 2006: 32–33).

Таким образом, графическое оформление предложений с повышенной эмоциональной окраской как в русском, так и в английском языке одинаково — с помощью восклицательного знака. Однако стоит учитывать, что могут быть и расхождения в употреблении восклицательных знаков в зависимости от сложившейся традиции.

1.3. Место восклицательных высказываний в классификации речевых актов

Один из основоположников теории речевых актов Дж. Остин описывал три типа речевых актов: 1) локутивный – акт говорения, констатации; 2) иллокутивный – акт, выражающий намерение и коммуникативную цель; 3) перлокутивный – акт, вызывающий целенаправленный эффект и оказывающий воздействие на поведение другого человека. Строго говоря, эти три типа не существуют в чистом виде, а во всех присутствуют все три момента (Austin 1962: 94–110). Функции речевых актов Дж. Остин назвал иллокутивными силами, выделив 5 классов в соответствии с иллокутивной силой высказываний, входящих в них:

- 1) *вердиктивы* (оценка, приговор);
- 2) *экзерситивы* (приказ, совет);
- 3) *комиссивы* (угроза, обещание);
- 4) *бехабитивы* (извинение, благодарность, поздравление);
- 5) *экспозитивы* (постулат, признание) (Austin 1962: 156–163).

Его последователь Дж. Серль пишет о том, что иллокутивный акт является минимальной единицей языкового общения (Серль 1986: 152 (1)). Однако он не до конца согласен с подходом Дж. Остина и создаёт свою классификацию иллокутивных актов, в которой выделяются 5 классов:

- 1) *репрезентативы* (утверждение);
- 2) *директивы* (приказ, предложение, просьба);
- 3) *комиссивы* (намерение, обещание);
- 4) *экспрессивы* (извинение, благодарность, поздравление);
- 5) *декларации* (увольнение, присвоение имени) (Серль 1986: 180–188 (2)).

Хотя в один из классов Дж. Серлем выделены экспрессивы, это не значит, что в него включаются только восклицательные предложения. Класс экспрессивов по Серлю – это то же самое, что класс бехабитивов по Остину.

Классификация Д. Вунерлиха во многом пересекается с классификацией Дж. Серля, однако в ней добавляются еще три класса. Д. Вундерлих выделяет:

- 1) *директивы* (требования, приказы, просьбы);
- 2) *комиссивы* (обещания, угрозы);
- 3) *эротетивы* (вопросы);
- 4) *репрезентативы* (утверждения);
- 5) *сатисфактивы* (извинения, благодарности, поздравления);
- 6) *ретрактивы* (корректировка утверждения);
- 7) *декларации* (присвоение имени, назначения);
- 8) *вокативы* (оклики, обращения) (Wunderlich 1976: 77).

Благодаря этой классификации вопросительные высказывания впервые выделяются в качестве самостоятельного речевого акта: они, несомненно, очень важны для инициации разговора. Также стоит отметить выделение класса вокативов, которые требуют от адресата внимания и важны для поддержания контакта.

В отечественной лингвистике Г. Г. Почепцов начинает разрабатывать систему прагматических типов предложений, основываясь на идеях Дж. Остина и Дж. Серля, и говорит о том, что прагматический компонент отражает коммуникативную интенцию предложения. Г. Г. Почепцов в своем исследовании выделяет следующие типы:

- 1) *констативы* (утверждения);
- 2) 2а) *промиссивы* (обещания);
2б) *менасивы* (угрозы);
- 3) *перформативы* (поздравления, извинения, благодарности);
- 4) *директивы*:
  - 4а) *инъюнктивы* (приказы);
  - 4б) *реквестивы* (просьбы);
- 5) *квеситивы* (вопросы) (Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 271–278).

Поскольку в данной работе мы считаем, что восклицательным может быть предложение любого коммуникативного типа, при рассмотрении речевых актов мы будем обращать внимание не только на класс экспрессивов (а следовательно, содержащие экспрессивные высказывания), но и на остальные классы. Приведенные выше классификации помогут нам для анализа практического материала во второй главе.

1.4. Роман Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» как образец современной женской прозы

На современном этапе развития лингвистики в центре внимания оказывается человек и его речевая деятельность, при таком антропоцентрическом подходе становится неизбежным интерес к проблеме гендера. По определению Г. А. Брандт, гендер (англ. 'gender') — это совокупность личностных, поведенческих и речевых особенностей, которые в духовном плане отличают мужчин и женщин, подвергающихся влиянию культуры (Брандт 1998: 169). Совершенно естественно, что современная литература стала объектом гендерных исследований: уже довольно долго ведется разговор о феномене «женской прозы». Чаще всего встает вопрос, стоит ли вообще разделять литературу по половой принадлежности автора или каким-либо другим образом и нужна ли кому-то женская проза и ее исследование.

Как пишет Н. М. Габриэлян: «Под “женской” прозой в нашей статье мы будем подразумевать прозу, написанную женщинами» (Габриэлян 1996: 31). Это важное замечание, ведь возможна попытка выделить определенные темы женской литературы и отделить женскую прозу от мужской именно на основании тематического критерия. Однако, особый интерес представляют не темы, ведь, по словам Е. И. Трофимовой, в произведениях, написанных женщинами, чувствуется особое восприятие и способ выражения, поэтому возникла необходимость осмыслить женское творчество как самостоятельную область литературоведения и критики (Трофимова 1998: 148). Впрочем, не все

авторы-женщины согласны с выделением женской прозы в отдельную область исследований (ср.: «Я не поэтесса, я — поэт»), возможно, потому что есть страх, что эта новая категория литературы не будет восприниматься всерьез. Так, И. Л. Савкина говорит, что феномен женской прозы осмысляется очень медленно, потому что для его оценки не хватает традиционных критериев, от этого возникает соблазн просто объявить такую литературу ущербной (Савкина: эл. ресурс).

Следует помнить, что под женской прозой подразумевается не сентиментальный «дамский роман», центральной темой которого являются любовные истории, а весь объем написанного женщинами. Возникает интерес к тому, как женщина-писатель отражает опыт, взгляды, жизнь мужчин и других женщин. Именно мир, описанный глазами женщины, новые темы и образцы поведения и привлекают читателей и критиков к женской прозе и, в частности, к произведениям Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой, Д. Рубиной и других авторов.

В России изучение прозы с точки зрения гендера началось относительно недавно. Б. Сатклифф отмечает, что начало современной женской прозы — это период между 1988 и 1992 годами, переломный момент не только в русской литературе, но и культуре (Сатклифф 2000: 118). У Дины Рубиной, автора, чье произведение стало объектом анализа в данной работе, с этим периодом совпал рубеж «биографический, творческий, личностной», после которого, по ее словам, она начала набирать литературный вес — в 1990 году Д. Рубина репатрировалась с семьей в Израиль.

Дина Ильинична Рубина родилась 19 сентября 1953 года в Ташкенте в семье художника и учительницы истории. Училась в средней специальной музыкальной школе при Ташкентской консерватории. После школы поступила в Ташкентскую консерваторию на фортепианный факультет, который окончила в 1977 году.

В 1971 году с публикации рассказа «Беспокойная натура» началось ее сотрудничество с литературно-художественным иллюстрированным журналом для молодежи «Юность». Первые рассказы публиковались в юмористическом разделе «Зеленый портфель», позже Дина Рубина перешла в отдел прозы этого журнала и печаталась там до самого отъезда из Советского Союза. Литературную известность ей принесла публикация в 1977 году повести «Когда же пойдет снег?..». По этому произведению был снят фильм, поставлены теле- и радиоспектакль, написана пьеса, которая много лет шла на сцене Московского ТЮЗа. В том же году, в возрасте 24 лет, она стала членом Союза писателей Узбекской ССР — на тот момент самым молодым в стране членом подобных организаций.

В 1977–78 годах преподавала в Ташкентском институте культуры, в 1978–84 руководила литобъединением при Союзе писателей Узбекистана, переводила узбекских писателей на русский язык. В 1979 году стала членом Союза писателей СССР. В 1984 Дина Рубина после знакомства со своим вторым мужем переехала в Москву. Ее рассказы и повести публиковались в журнале «Юность», а пьесы «Чудесная дойра» и «Когда же пойдет снег?» были поставлены в нескольких театрах Советского Союза. В 1980-х годах в Ташкенте были опубликованы три книги прозы Рубиной: «Когда же пойдет снег..?» (1980), «Дом за зеленой калиткой» (1982), «Отворите окно!» (1987), в 1990 г. в Москве вышел сборник повестей и рассказов «Двойная фамилия».

После переезда в Израиль в 1990 году Д. Рубина работала литературным редактором в еженедельном литературном приложении «Пятница» к русскоязычной газете «Наша страна», в этом же году стала членом Союза русскоязычных писателей Израиля.

Рассказы и повести автора печатались в журналах «Юность», «Новый мир», «Огонек», «Континент», «Советская литература за рубежом», «Искусство кино», «Дружба народов», «22», «Время и мы», «Знамя», «Обозреватель»,

«Иерусалимский журнал», а также во многих литературных альманахах и сборниках. Начиная с 2003 года Дина Рубина начинает сотрудничать с издательством «Эксмо», которое активно издает и переиздает весь корпус ее прозы. За годы сотрудничества с издательством общий тираж книг Д. Рубиной превысил два с половиной миллиона экземпляров. Ее романы, повести и рассказы изданы отдельными книгами на иврите, а также на английском, болгарском, французском, чешском, эстонском и других языках. Сейчас Дина Рубина проживает в пригороде Иерусалима, городе Маале-Адумим.

Практически во всех произведениях Д. Рубиной присутствует автобиографичный женский персонаж. Так, в романе «Вот идёт Мессия!..» возникает персонаж «писательница N». Имя писательницы (в тексте героиня фигурирует также в качестве «известной писательницы») не сообщается, но на вопрос об автобиографичности своей героини в интервью журналу «Вопросы литературы» Дина Рубина отвечает: «Моя героиня гораздо умнее, мудрее, остроумней, справедливей и благородней меня самой. Впрочем, как всегда у писателей. Меняется она ровно настолько, насколько меняюсь я. Автобиографична она настолько, насколько мне приходится участвовать (или не участвовать) в тех перипетиях, которые подсудобливает жизнь. Какова ее эволюция? Ну, это уже нелегитимный вопрос... Например, в романе “Вот идёт Мессия!..” главная героиня раздваивается. Это, конечно, не значит, что у меня началось раздвоение личности» (Рубина 1999: 274). «Известной писательницей» Дина Рубина также сама называет себя: «Потом еще два рассказа были там же [в журнале «Юность» — В. Ш.] опубликованы, после чего я торжественно перешла в отдел прозы этого журнала и печаталась там до самого отъезда из Советского Союза. Конечно, лучшие мои вещи они не брали. Так, рассказы, по мелочи. Но читатели меня запомнили, любили, ждали журналов с моими вещичками. Так что, страну я покинула уже, в общем, известным писателем» (Рубина 2014).

Роман «Вот идёт Мессия!..», который находится в центре рассмотрения в данной работе, был написан в 1995–1996 годах, за него Дина Рубина получила премию Союза писателей Израиля. Впервые он был издан в Тель-Авиве в 1996 году под названием «Вот идёт Машиах!», в том же 1996 году напечатан в Москве в издательстве «Остожье» под названием «Вот идёт Мессия!..», впоследствии переиздавался в 1999 — в Москве в Издательском доме «Подкова», в 2001 — в Санкт-Петербурге в издательстве «Ретро», в 2002 году — в Екатеринбурге в издательстве «У-Фактория». После начала сотрудничества Дины Рубиной с издательством «Эксмо» роман переиздавался еще несколько раз.

Появление двух разных названий для одного романа неслучайно. В самом тексте произведения встречается и понятие «Мессия», и понятие «Машиах»: они синонимичны. С иврита «Машиах» буквально переводится как «помазанник» — в религиозных представлениях иудаизма идеальный царь, спаситель (Мессия), потомок Давида, который будет послан Богом, чтобы осуществить избавление народа Израиля (КЕЭ 1990).

Во время переизданий менялась пунктуация в названии: в 1996 году и начиная с 2002 года, название романа оформляется с многоточием после восклицательного знака; в изданиях 1999 и 2001 это многоточие отсутствует. На официальном сайте Дины Рубиной также в некоторых местах есть расхождения в пунктуации при упоминании данного романа (в творческой автобиографии и разделе библиографии на сайте указаны разные варианты написания названия романа), однако они не совпадают с расхождениями в самих опубликованных книгах.

Интересно отметить, что сама Дина Рубина является противником того, чтобы ее произведения причислялись к женской прозе. «”Женская литература” — это нонсенс и дурной вкус. <...> Среди читателей (моих или не моих) вообще больше женщин — это согласно многочисленным опросам.

Следовательно, женщины в общей массе читают больше. Можно порассуждать о причинах этого явления, но это уже другая тема. Но “женских авторов” не существует. Категорически отвергаю такую постановку вопроса» (Известия 2007). Конечно, важно учитывать мнение самой писательницы, однако в практической части данной работы нам предстоит проанализировать текст романа «Вот идёт Мессия!..» относительно наличия в нем каких-либо особенностей, присущих женской прозе.

О гендерных особенностях речевого поведения написано большое количество работ. Большая часть исследователей (А. Ю. Беляева, Е. А. Земская, Н. Л. Пушкарева, Н. Ю. Сороколетова, К. Т. Тамбиева и др.) приходит к схожим выводам относительно особенностей женской речи. Женская речь отличается эмоциональностью, уступчивостью и мягкостью. Речевое поведение женщин можно назвать более «гуманным», женщина умеет слушать лучше мужчин, и в ее речи присутствует больше форм вежливости, уменьшительно-ласкательных суффиксов, междометий и модальных глаголов (Тамбиева 2009: 4). Для речи женщин также характерна бóльшая экспрессивность по сравнению с речью мужчин, в женской речи чаще встречаются инверсии, вопросительные и восклицательные предложения (Пушкарева 2001: 34). Наравне с экспрессивностью повышается и эмоциональность речи за счет большой концентрации эмоциональных оценок и слов, описывающих чувства, в том числе глаголов, передающих эмоционально-психологическое состояние человека (Сороколетова 2010: 1–2). Г. Е. Крейдлин считает, что у женщин повышена коммуникативная чувствительность за счет того, что от них ожидается большая социализация и коммуникативная направленность на предмет разговора и говорящего, поскольку на женщин возложена ответственность за свой дом и за рождение и выращивание детей (Крейдлин 2003: 337).

Иностранные исследователи (Дж. Грей, Р. Т. Лакофф, Д. Таннен, К. Мерчант) приходят к таким же выводам относительно особенностей женской речи. Мужчины в коммуникации ориентированы на результат, в связи с чем они менее склонны к проявлению эмоций, а говорят больше по существу, в то время как женщины стараются произвести на собеседника наибольшее впечатление, не замыкаются в себе и используют экспрессивные средства языка (Merchant 2012: 17–23).

Таким образом, учитывая феномен женской прозы, точку зрения Дины Рубиной на принадлежность ее произведений к этому типу литературы, а также результаты гендерных исследований особенностей речевого поведения, выявленных в работах российских и зарубежных ученых, в исследовательской части работы мы попытаемся определить, можно ли считать роман «Вот идёт Мессия!..» образцом современной женской прозы.

Выводы по главе I

1. В данной работе мы не разделяем понятия экспрессивности, эмоциональности и эмотивности как три отдельных явления, а рассматриваем их в комплексе. Экспрессивность связана с повышением воздействующей силы высказывания, эмоциональность – с эмоциями, которые выражает говорящий, эмотивность – с самим видом высказывания. Восклицательное высказывание является эффективным способом установления коммуникации за счет включения эмоциональной и экспрессивной составляющих. Также в нем часто может быть заключена оценка говорящего.

2. Несмотря на то что у разных исследователей не существует единого мнения относительно места восклицательных предложений среди коммуникативных типов, категория восклицательности, без сомнения, имеет лингвистический особый статус. В настоящей работе считается, что любое предложение (повествовательное, побудительное, вопросительное) может стать восклицательным, если оно имеет эмоциональную окраску. При этом восклицательные предложения графически оформляются восклицательным знаком.

3. Для последующего анализа восклицательных высказываний необходимо понимать их место в классификации речевых актов. В ходе анализа мы будем рассматривать не только класс экспрессивов, так как эмоционально окрашенные предложения могут попадать и в другие классы (директивы, комиссивы, репрезентативы).

4. Важной особенностью женской речи является эмоциональность, в связи с чем женщины используют больше восклицательных предложений, междометий и модальных глаголов. Во второй главе данной работы предстоит проанализировать эмоционально окрашенные восклицательные предложения в романе Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..»

Глава II. Комплексный анализ восклицаний в тексте романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..»

2.1. Восклицания в тексте романов, написанных женщинами и мужчинами

Роман Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» насыщен восклицательными высказываниями: всего из текста романа выделено 990 примеров, которые составляют 11,9% от всех предложений в тексте (всего в тексте 8285 предложений). При этом 184 примера выделяются в речи автора, а все остальные (806) в репликах диалога. Конечно, разделение речи автора и героя условно, поскольку образ автора объединяет его с персонажами, которые самостоятельны лишь отчасти, и, рассматривая авторские высказывания, мы встречаем и несобственно-прямую речь, в которой автор передает мысли героя.

Прежде чем приступить к классификации и анализу примеров, хотелось бы остановиться на формальном показателе: количестве восклицаний в тексте. Для того чтобы понять, насколько их число велико и можно ли утверждать, что в тексте женского романа эмоционально окрашенных высказываний больше, чем в тексте, написанном мужчиной, для сопоставления были взяты 2 современных романа разных авторов: роман Дмитрия Быкова «Списанные» (2008) и роман Евгения Гришковца «Асфальт» (2008). В этих романах, как и в романе Дины Рубиной, встречается большое количество диалогов; эти произведения были написаны писателями примерно одного возраста. Дине Рубиной было 43, когда она написала «Вот идёт Мессия!..», Евгению Гришковцу — 41, когда вышел роман «Асфальт», Дмитрию Быкову — 41, когда вышел роман «Списанные».

Разумеется, следует иметь в виду, что критерии выбора романов и в целом их сопоставление весьма условны, потому что на употребление восклицаний влияет множество факторов, среди которых и стиль автора, и тематика произведения, и объем диалогов, а не только гендерные особенности. И тем не менее подобное сопоставление количественных данных может дать некоторое

представление относительно частотности употребления восклицательных предложений у Дины Рубиной.

В романе «Списанные» всего 9331 предложение, из которых только 547 (5,9%) являются восклицательными, в романе «Асфальт» — 13705 предложений, из которых 1197 (8,7%) восклицательные. Эти данные представлены на диаграммах.

Таким образом, доля восклицаний в романе Дины Рубиной превышает долю восклицаний в романах, написанных мужчинами. 990 примеров восклицательных предложений, выделенных в романе Дины Рубиной, можно считать вполне репрезентативным материалом для дальнейшего исследования. Кроме количества, важным является разнообразие эмоционально окрашенных высказываний, а также их графическое оформление.

2.2. Особенности графического оформления восклицательных предложений в русском тексте и его английском переводе

В данной работе анализу подвергается не только русский текст романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!...», но и его перевод на английский язык, выполненный Даниэлом М. Джаффе (Daniel M. Jaffe) в 2000 году. Стоит обратить внимание, что переводчиком женского романа выступает мужчина, и в нашей работе мы постараемся проследить, повлияли ли на перевод гендерные особенности переводчика. Поэтому, говоря об особенностях пунктуации, стоит рассматривать оба анализируемых текста, поскольку между ними есть определенные отличия. Всего при сравнении текстов было выявлено 98 примеров расхождения пунктуационного оформления восклицательных

предложений, часть из которых может быть объяснена различиями русского и английского языка. Например,

(1) ²	— Что ты делаешь? — удивилась она, заглянув в экран. <i>«Дорогой контролер! — было набрано на голубом поле. — Я нахожусь там-то и там-то».</i> (291) ³	“What are you doing?” she said in surprise, looking at the screen. “ <i>Dear Meter Inspector,</i> ” was composed on a pale blue field. “I’m at such-and-such a place.” (180) ⁴	!→,
------------------	--	--	-----

Как уже отмечалось в пункте 1.2.3 данной работы, в правилах русского и английского языков различается знак препинания, ставящийся после обращения. В русской традиции принят восклицательный знак, в то время как в английском ставится запятая (или двоеточие), что мы и видим в примере (1). Поэтому данная замена знака полностью объяснима и оправдана, как и в примере (2).

(2)	— <i>Доброе утро, дорогие радиослушатели!</i> Радиостанция «Русский голос» начинает свои передачи из шестой иерусалимской студии. (7)	<i>Good morning.</i> You are listening to Radio Station Russian Voice, beginning its broadcast day from Jerusalem Studio Six. (3)	!→.
-----	---	---	-----

Обращение «дорогие радиослушатели» — это клише, используемое в русской традиции радиовещания, которое не имеет прямого аналога в английском языке (дословный перевод слова «*радиослушатель*» “*radio listener*”, “*broadcast listener*” на практике не используется). Иногда ведущий может обратиться к слушателям “*everyone*”, но в данном случае переводчик вообще решил опустить какое-либо обращение к аудитории. Однако данный

² Здесь и далее в первой графе таблицы указан номер примера, во второй — пример из русского текста, в третьей — перевод этого примера на английский язык, в четвертой схематически отражено изменение в пунктуации на конце восклицательного предложения.

³ Здесь и далее русский текст цитируется по изданию Рубина Д. «Вот идёт Мессия!..»: роман. — М.: Эксмо, 2013. — 560 с.

⁴ Здесь и далее английский текст цитируется по изданию Rubina Dina. “Here comes the Messiah!” / translated from Russian by Daniel M. Jaffe. — Brooklyn: Zephyr Press, 2000. — 368 p.

пример определяется языковой традицией, принятой в англоговорящих странах.

Пунктуация в примере (3) также является традиционной:

(3)	«<...> За грех, который мы совершили пред Тобою ложной клятвой, За всё это, Бог прощающий, прости нас, извини нас, искупи нас!» (529)	“<...> For the sin which we have committed before Thee by slander, For all these, O God of forgiveness, forgive us, pardon us, grant us atonement.” (328)	!→.
-----	---	---	-----

В отличие от примера (2) данный пример иллюстрирует скорее письменную традицию, принятую со времен перевода Библии короля Якова (The Holy Bible, King James Version, 1611), согласно которому в молитвах о прощении не ставится восклицательный знак (ср. “And forgive us our debts, as we forgive our debtors.” Matthew 6:12⁵). При этом в устной речи, естественно, молитва может произноситься и с повышенной эмоциональностью, однако в переводе был сохранен традиционный вариант невосклицательного предложения, возможно, потому что читатели будут воспринимать этот текст в письменном виде.

Кроме различий в пунктуационной традиции, поводом для изменения знаков могут послужить особенности перевода.

(4)	— Но какая удача, что мы разговорились о вас с Раечкой. Она ведь моя ученица, знаете. Она настоящий ангел! И вдруг я узнаю, что вы здесь живете! Как — прямо здесь?! Я даже <i>ахнула</i> и не поверила! (88)	“But what good fortune that Raechka and I were talking about you. She's my student, you know. She's a real angel! And all of a sudden I realize that you're living here! How could it be — right here?! I even <i>exclaimed</i> ‘Oh my!’ and still couldn't believe it!” (54)	( )→!
-----	---	---	-------

В примере (4) появляется новое восклицательное предложение при переводе слова «*ахнула*» как “*exclaimed* ‘Oh my!’”, из-за того что в английском нет точного аналога этого слова — переводчику его приходится передавать

⁵ Цитата по: The Holy Bible: New King James Version. — Nashville: Thomas Nelson Publishers, 2006. — 1504 p.

целой фразой. Даже обилие восклицательных предложений вокруг этого слова не становится причиной подбора других лексических единиц, и переводчик движется вслед за текстом. Но не всегда вставка нового предложения происходит из-за отсутствия аналога:

(5)	И, радостно гогоча (разумеется, позже, когда выровнялось дыхание), они с Белкой хором прочитали на обложке ностальгический лозунг из своего кукурузного детства... (280)	And, cackling joyfully (later on, of course, once their breathing had steadied), he and Belka read in chorus the notebook's nostalgic slogan from the Virgin Lands Campaign: <i>"The current generation of Soviet citizens will live under Communism!"</i> (173)	()→!
-----	--	--	------

Так, в примере (5) новое предложение вводится для того, чтобы пояснить лингвокультурную реалию «лозунг из своего кукурузного детства», потому что перевод выполнялся для англоязычной аудитории. Написан этот лозунг с восклицательным знаком — так же, как он написан на русском языке в тексте Третьей Программы КПСС: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Стоит отметить, что объяснение непонятных реалий — это очень грамотная переводческая стратегия, помогающая лучше понять текст. Но иногда замены могут быть сделаны, например, из-за изменения структуры переводимой фразы:

(6)	Под ритмичную, американского ширпотреба, музыку девочки задорно и почти дружно выбрыкивали длинными ногами, а их дядюшка, массовичок-затейник, бегал туда-сюда вдоль дощатой эстрадки и, комично-испуганно округляя глаза, энергичными знаками призывал раздетую публику: <i>повторять, повторять за</i>	The girls danced fervently to rhythmic, mass-marketed American tunes, and kicked out their long legs almost simultaneously while their dear uncle, the cheer leader-camp counselor, ran here and there along the plank platform and, rolling his eyes in a comical frightened way, summoned, with energetic gesticulations, the ill-clad public: <i>Do what we're doing! Do</i>	1П→2П !!!→! / !!
-----	--	---	---------------------

	<i>нами!!!</i> (216)	<i>like us!!</i> (133)	
--	----------------------	------------------------	--

В примере (6) одно предложение заменяется двумя, и если в русском языке экспрессивность достигается за счет лексического повтора и восклицательного предложения, то в английском за счет двух восклицательных предложений подряд. В английском языке форма инфинитива и повелительного наклонения совпадают, поэтому достичь такой же экспрессивности, как при повторе инфинитивов в русском, не получается без изменения структуры. Однако здесь этот пример удачен, хотя при переводческих трансформациях не всегда сохраняется интонация и выразительности оригинала:

(7)	— Деда, — спросила она изумленно и счастливо, — Деда, ты — Машиах? — <i>Ну Машиах!</i> — сказал он. — Ай, мамэлэ, встань, не валяйся, я так рад тебя видеть! (557)	“Grandpa,” she asked, amazed and happy. “Grandpa, are you the Mashiach?” “Nu,” he said, shrugging his shoulders, “ <i>the Mashiach...not the Mashiach...Hey, mameleh, get up, don't loll about, I'm glad to see you!</i> ” (346)	!→,
-----	---	--	-----

В тексте Дины Рубиной герой восклицает, как бы соглашаясь, что он и есть Машиах, Мессия, которого все так ждут, при этом междометие «ну» показывает, что для него в этом нет ничего удивительного. В английском же тексте герой будто сомневается: «Ну, — сказал он, пожимая плечами, — Машиах... не Машиах... Эй, мамэлэ, встань, не валяйся, я рад тебя видеть!» Получается, что иногда при изменении синтаксической структуры уже не удается передать экспрессивность оригинала. Но иногда потеря выразительности происходит даже в том случае, когда каких-то явных предпосылок для этого нет:

(8)	Поздравишь его с покупкой виллы, а он отвечает злорадно: — <i>Всё равно все сдохнем!</i> (78)	You congratulate him on his purchase of a villa, and he answers nastily: “ <i>We're all going to croak anyway.</i> ” (48)	!→.
-----	---	---	-----

В примере (8) высказывание не только эмоционально окрашено за счет восклицания, но и за счет экспрессивного глагола «сдохнуть», тогда как в

английском варианте предложение повествовательное, невосклицательное, но тоже с разговорным экспрессивным глаголом. Очевидно, что в переводе потеряна экспрессивная интонация, которая была в русском тексте, и, если бы такая замена наблюдалась только в одном примере, ее можно было бы считать случайной. Однако поскольку всего среди примеров найдено 37 случаев подобной замены восклицательного предложения невосклицательным (из 98 рассмотренных случаев изменения пунктуации на конце предложения), то можно сделать предположение о гендерных особенностях перевода. Так, в примере (9), где изменяется знак во вставной конструкции в речи автора, иначе трудно объяснить факт замены переводчиком восклицательного предложения оригинала на невосклицательное:

(9)	Но тут необходимо сделать небольшое — <i>о, совсем мимолетное!</i> — отступление. (43)	But here one finds it necessary to make a modest — <i>oh, a totally fleeting</i> — digression. (25)	!→.
-----	--	---	-----

Никаких грамматических или иных показателей не наблюдается, и остается лишь сослаться или на стиль переводчика, или на то, что ему показалось необязательным придавать данному высказыванию восклицательность. Однако в некоторых случаях (правда гораздо реже, всего 10 примеров из 98) наблюдается и обратное явление — замена невосклицательного предложения восклицательным:

(10)	— Прозаик, вот скажи, чем моя великая фраза хуже их великих? А? « <i>А пойду-ка, сдам бутылки...</i> », « <i>А пойду-ка, сдам бутылки!</i> » — «...я в соседний гастроном», — закончила она. (473)	“Hey, Prose Writer, tell me how my great phrase is worse than their great ones? Eh? ‘ <i>And I’m heading out to return the bottle!</i> ’ ‘ <i>And I’m heading out to return the bottle!</i> ’” “ ‘...to the neighborhood grocery store,’ ” she finished. (293)	...→!
------	--	--	-------

У двух предложений в русском варианте примера (10) разная интонация: в первый раз персонаж произносит фразу задумчиво, растягивая конец, а второй

раз восклицает, в то время как в английском тексте оба предложения восклицательные, и герой просто повторяет дважды, видимо, для того, чтобы собеседница услышала его лучше. Пунктуация Дины Рубиной создает определенный звуковой образ, который «слышится» читателю, и непонятно, для чего потребовалась такая замена в переводе. В отличие от таких случаев некоторые замены повествовательного предложения на вопросительное выглядят вполне оправдано:

(11)	— <i>Как!</i> Ведь в прошлый раз он доказывал, что японцы — потерянные колена. (71)	“ <i>How’s that?! But last time he proved that the Japanese were the lost tribes.</i> ” (47)	!→?!
------	---	--	------

Восклицательная частица «как» в примере (11) обязательно требует после себя восклицательный знак, хотя по сути это высказывание риторическое, в нем может быть скрыт вопрос. Учитывая то, что в английском языке в конце риторического вопроса возможно использование восклицательного знака вместо вопросительного (Stilman 1997: 122), это предложение можно было оставить без пунктуационных изменений. Однако автор перевода решает подчеркнуть то, что это вопрос, но при этом сохраняет и интонацию. В отличие от примера (12), где предложение становится невосклицательным:

(12)	И тут на нее налетел Мишка Цукес. — Вот так тебя встретишь раз в году на остановке! — ругался он, троекратно касаясь щекой ее щеки. — <i>А чтоб самой когда-нибудь позвонить!..</i> (451)	And it was then that Mishka Tsukas swooped down on her. “Look how I have to bump into you once a year at the bus stop!” he swore at her, pressing his cheek to hers three times. “ <i>So how’s about calling a guy sometime?</i> ” (279)	!..→?
------	---	--	-------

При замене полностью меняется интонация высказывания. В русском тексте риторическое восклицание дополнено многоточием, и это показывает, что герой расстроен тем обстоятельством, что собеседница ему не звонит. В английском же аналоге герой просто интересуется, может она ему позвонит как-

нибудь, возможно в будущем, уже не сожалея о прошлом. Это различие выражено не лексически, а только с помощью знаков конца предложения, что подчеркивает важность определенного графического выделения восклицательных предложений. Видимо, чтобы сохранить экспрессивность в реплике диалога, иногда автор идет на перемену мест восклицательных предложений:

(13)	<p>— Я тебе объясню! — выпалил он. — Отойдем сюда, сюда, дальше! Идем!</p> <p>— Там мусорка. Ну, стой, ради Бога, на месте. И успокойся, ты ничего не выиграл. Этого просто не может быть.</p> <p>— <i>Ах так! Ну, смотри.</i> Сейчас ты увидишь. (375)</p>	<p>“I'll explain it to you!” he blurted.</p> <p>“Let's move over here, over here, farther away! Let's go!”</p> <p>“There's trash there. Hey, stand still, for God's sake. And calm down, you didn't win anything. It just couldn't be.”</p> <p>“<i>Oh really? Then look! See for yourself.</i>” (232)</p>	<p>перемена предложения с восклицанием</p>
------	---	---	--

В примере (13) риторическое восклицание «*Ах так!*» заменено на вопросительное предложение “*Oh really?*”, но для того, чтобы сохранить взволнованную интонацию героя (которая видна и по его предыдущей реплике), автор решает выделить восклицательным знаком следующую фразу, которая была невосклицательной в русском тексте. С помощью такого приема, с одной стороны, сохраняется авторская интонация реплики, а с другой стороны, риторический вопрос приобретает свой законный знак препинания.

К сожалению, не всегда заменам в знаках препинания на конце предложения в анализируемых текстах можно найти разумное объяснение:

(14)	<p>«До каких пор хозяева будут издеваться над олим, наживаясь на нашем тяжком труде?! Всем, кому надоело хрячить на израильтян, мы предлагаем участие в новом</p>	<p>“How long will the masters scoff at olim, making dortunes from our hard labor?! To all who've had their fill of sucking up to Israelis, we offer participation in a promising new</p>	<p>!→!!, !!!→!!</p>
------	---	--	---------------------

	перспективном бизнесе. <i>Здоровье! Высокие заработки! Расслабление и хорошее настроение!!!</i> » (46)	business. <i>Health! High wages! Energy and good spirits!!</i> » (28)	
(15)	Агриппа сделал паузу, вытянув шею и грозно собирая взглядом в кучку разбредающих старперов. Так петух, вытянув шею, созывает кур. — <i>Улица Машиаха!</i> — торжественно объявил он. (389)	Agrippa paused, craned his neck and sternly gathered up the heap of dispersing old farts in a glance. Just the way a rooster, stretching its neck, convokes his hens. “ <i>Mashiach Street!!</i> ” he declared solemnly. (240)	!→!!

Так, в примерах (14) и (15) просто меняется количество восклицательных знаков. При этом в русском тексте примера (14) первые два восклицательных предложения были с одним восклицательным знаком, а третье с тремя (возможно, желание подчеркнуть последний аргумент надписи). В английском же варианте количество восклицательных знаков более-менее «уравновешивается», и второе и третье предложение становятся одинаково подчеркнутыми. Не очень понятно, зачем это было сделано, так же как неочевидна замена в примере (15), где отдельно стоящее, пусть и торжественное объявление, вдруг приобретает двойной восклицательный знак.

Таким образом, при рассмотрении приведенных выше примеров прослеживается неоднородность изменений в графическом оформлении восклицательных предложений. Где-то они оправданы особенностями пунктуации языка или необходимостью перевода, в других же местах трудно найти мотив, которым руководствовался переводчик. Однако важно подчеркнуть, что больше трети всех примеров изменений — это замена восклицательного предложения невосклицательным. Как результат, в английском тексте восклицательных предложений меньше, чем в русском, что вряд ли говорит о меньшей экспрессивности английского языка (есть и экспрессивная лексика, и вопросительно-восклицательные высказывания, и

примеры, оформленные парными восклицательными знаками). Можно сделать предположение, что наравне со стилем переводчика, здесь свою роль играют гендерные особенности речевого поведения, согласно которым, женщинам свойственно использовать больше эмоционально-окрашенных высказываний.

2.3. Коммуникативные типы восклицательных высказываний

Поскольку в данной работе все примеры взяты из одного текста, они объединены не только общим стилем автора повествования, но и одним сюжетом. При анализе 990 примеров составим их классификацию, в которой попробуем проследить прагматический потенциал восклицательных высказываний в тексте современного женского романа.

Как уже отмечалось выше, восклицания используются при передаче повышенной эмоциональности говорящего, но в зависимости от ситуации меняется тип восклицания. В основу нашей классификации легли исследования по теории речевых актов (см. пункт 1.3 данной работы). Многие классификации речевых актов схожи между собой, однако вызывает сомнение термин «экспрессивы» Дж. Серля (ведь не только среди извинений и поздравлений могут быть экспрессивные высказывания, но и в других классах), а также термин «перформативы» Г. Г. Почепцова, учитывая перформативность любого высказывания, а не только класса поздравлений и благодарностей. Руководствуясь этим, для названия коммуникативных типов в данной работе была выбрана классификация Д. Вундерлиха; вслед за ним мы выделяем: директивы, комиссивы, эротетивы, репрезентативы, сатисфактивы и вокативы. Однако не все случаи употребления восклицаний можно свести лишь к этим группам: часто герои пользуются назывными предложениями для привлечения внимания и, кроме того, невозможно представить речь без фатической коммуникации или так называемых коммуникативов (релятивов). Поэтому к классам, выделенным на основе теории речевых актов, также добавляются: назывные, оценочные, фатические и релятивные восклицания, которые будут

последовательно рассмотрены. Вначале мы рассматриваем 6 типов, выделенных на основе теории речевых актов, располагая их на основе количественного принципа. Однако группу комиссивов мы анализируем вслед за директивами не по количественному принципу, а по семантическому – эти два типа имеют направленность на будущее. Последний, шестой тип (сатисфактивы) по своей прагматической направленности связан с фатическими высказываниями, поэтому они рассматриваются далее. В свою очередь релятивы могут иметь схожие функции с фатическими восклицаниями, поэтому дальше представлен их анализ. Последними анализируются два типа (назывные и оценочные), на основании того, что они являются нерегулярными восклицаниями, зависящими от конкретного текста. Таким образом, в классификации представлен следующий порядок: репрезентативы, директивы, комиссивы, эротетивы, вокативы, сатисфактивы, фатические, релятивные, назывные и оценочные восклицания.

2.3.1. Репрезентативные восклицания

К репрезентативным относятся высказывания, выражающие утверждения, констатации, объяснения; среди выделенных примеров эта группа является самой многочисленной — 242 примера. В ходе анализа прагматического потенциала восклицаний мы не рассматриваем отдельно примеры их употребления в речи автора и речи героев, поскольку и в том, и в другом случае они используются с одинаковой целью. Однако стоит оговорить, что для большей наглядности среди проанализированных примеров будут представлены разные случаи. Так, например, репрезентативы, как наиболее многочисленная группа, часто встречаются в эмоциональной речи и автора, и героев.

(16) ⁶	Добежав до водителя, громыхнул медью над его ухом и объявил опять	After running up to the driver, he rumbled the coins over his ear, and again announced
-------------------	---	--

⁶ Здесь и далее в первой графе таблицы указан номер примера, во второй — пример из русского текста, в третьей — перевод этого примера на английский язык.

	тревожно и внятно: — <i>Мустафа шатается!</i> (29)	distinctly and with a scene of alarm: “ <i>Mustafa's on the loose!</i> ” (17)
--	---	--

В примере (16), представляя себя водителю, герой заявляет о себе с восклицательной интонацией. Его цель состоит не только в том, чтобы обозначить, кто он, но и привлечь к себе внимание, поэтому он даже говорит о себе в третьем лице. Делая объявление, говорящий всегда старается произвести определенное впечатление на слушающего. Иногда даже может рассчитывать на конкретную реакцию:

(17)	Зяма научилась своей шеей пользоваться, когда это было нужно: черная бархотка, кованный, грузинской искусной работы ошейник, кружевной высокий воротничок, и над этим — очень короткая (<i>не заслонять же такую шею!</i>) стрижка... (20)	Ziama had learnt how to make fine use of her neck when necessary: a black velvet ribbon, a hand-forged choker of expert Georgian make, a high lace collar, and above them — a very short (<i>don't, for goodness' sake, hide such a neck!</i>) hairdo. (11)
------	--	---

Риторическое восклицание в примере (17) рассчитано на согласие с автором, а точнее, с его героиней, поскольку во вставной конструкции мы видим пример несобственно-прямой речи, передающей скорее мысль самого героя. Однако если репрезентатив встречается в авторской речи, то это может быть простая констатация факта:

(18)	Сначала им намекали — легонько, перед концертом — не стоит, мол, лезть в чужую синагогу со своим протухшим интернационализмом. <i>Нет, не действовало!</i> (41)	At first they'd be given hints, gently, before the performance — one shouldn't, they'd be told, go into another's synagogue with one's own rotten internationalism. <i>No, it didn't work!</i> (24)
------	---	---

Здесь в начале высказывания добавляется фатическое «нет», которое подчеркивает отрицательное значение самого высказывания. Восклицательность же отражает чувство досады, которое испытывает автор по отношению к непонимающим героям.

Репрезентативные восклицания, используемые в речи автора и в речи героев, широко представлены в тексте романа. Однако они не исчерпывают всех случаев употребления восклицаний.

2.3.2. Директивные восклицания

Второй по численности группой являются директивные восклицания — 166 примеров в данном тексте. Восклицания этой группы представляют собой требования, просьбы и приказы, что, разумеется, особенно свойственно разговорной речи:

(19)	Пес уже бился в закрытую дверь — рвался наружу. Издалека чуял приближение Мелочи. — <i>Беги, встречай!</i> (170)	By now, the dog was clamoring at the closed door, straining to go outside. He could smell Small Fry's approach from far away. “ <i>Run, go meet her!</i> ” (104)
------	---	---

В примере (19) два глагола в повелительном наклонении подряд выражают приказ хозяйки своему псу, а поведение пса, который уже рвется навстречу одному из домашних, подчеркивают необходимость восклицания, хотя это и не срочное поручение. Вместо двух подряд глаголов в форме императива также могут использоваться два независимых директивных восклицания:

(20)	— <i>Умоляю!</i> — торопливо проговорил Витя. — <i>Не бросайте меня!</i> Я очень боюсь. (56)	“ <i>I beg you!</i> ” Vitya said in a rush. “ <i>Don't abandon me! I'm so afraid.</i> ” (34)
------	--	--

Чувство страха, охватывающее персонажа, заставляет его умолять своего собеседника в примере (20), и это же чувство делает его просьбу «*Не бросайте меня!*» эмоционально окрашенной. Автор отдельно подчеркивает, что сказано это «*торопливо*»: герой восклицает, потому что у него нет времени на построение логически организованной фразы. Однако сильное проявление чувств может встречаться и в авторской речи:

(21)	Состояние: вспотевший, холодный, горячий, остылый... <i>Да смотрите, в конце концов, «Словарь эпитетов»!</i> (20)	Condition: sweaty, cold, hot, getting cool... <i>Just go through, for goodness' sake, the Dictionary of Epithets!</i> (11)
------	---	---

Вводное сочетание «в конце концов» выражает недовольство и раздражение, из-за чего директивное высказывание в примере (21) становится восклицательным.

Как писал Дж. Серль, у директивного высказывания цель — попытаться заставить слушающего что-то делать, при этом направлено это высказывание на будущее, такая же обращенность в будущее есть еще у одного класса — комиссивов, только цель последних — возложить на говорящего обязательство что-то сделать (Серль 1986: 183 (2)). Поскольку группы этих высказываний одинаково направлены на будущее, следующей мы рассмотрим комиссивы.

2.3.3. Комиссивные восклицания

Легко представить себе эмоционально окрашенные комиссивы, ведь эта группа представляет обещания, объявления, угрозы, всё то, что часто выражается в речи экспрессивно. В тексте романа «Вот идёт Мессия!..» такие восклицания встречаются 94 раза.

(22)	Здоровяк за рулем сказал, не повернув головы: – <i>Высажу!</i> (29)	Without turning his head, the robust fellow behind the wheel said: <i>"I'm kicking you off!"</i> (17)
------	--	--

В примере (22) говорящий угрожает собеседнику, при этом делает это уверенно, не отвлекаясь, «не повернув головы», поэтому это короткое односоставное высказывание становится восклицательным. Но краткость не обязательное условие:

(23)	— <i>А между тем, Машиах придет в две тысячи седьмом году!</i> — Сема закурил и, спохватившись, стал ковшиком ладони предупредительно гонять дым перед носом собеседницы. (8)	“ <i>And meanwhile, the Meshiach will arrive in the year two thousand seven!</i> ” Sema lit up a cigarette and, suddenly remembering, began trying, with cupped palm, to chase the smoke away from his fellow conversationalist's nose. (4)
------	--	--

Как можно видеть, в примере (23) обещание героя довольно пространно и направлено на неопределенное будущее. Восклицательная интонация подчеркивает, что для героя это сообщение важно. В предыдущих примерах уже было показано, что два высказывания подряд могут быть восклицательными; иногда благодаря повтору происходит усиление эмоциональной окраски:

(24)	— Нет, ты еще не созрела, — вздохнул Миша. — Но ты еще ко мне придешь. <i>Ох, ты еще придешь!</i> (411)	“No, you haven't yet matured,” Misha sighed. “But you'll come to me yet. <i>Oh, you'll come around!</i> ” (253)
------	---	---

Именно лексический повтор глагола «*придешь*» в сочетании с междометием «*ох*», выражающим досаду и сожаление, делают пример (24) восклицательным. Подобный случай употребления в речи героя настолько же естественен, как и в речи автора:

(25)	Чувствовала при этом взрыв радостного обновления жизни, возобновления действия — <i>итак, продолжаем!</i> в следующей главе нашего рассказа... (23)	In so doing, she'd feel as if having soared upwards in a joyful renewal of life, a resumption of activity — <i>and so, let us continue!</i> In the next chapter of our story... (13)
------	---	--

Комиссивные восклицания могут содержаться в объявлениях (пример 25), которые прерывают предыдущую мысль, переключают на следующую за ней идею. Здесь этот момент «переключения» подчеркивается вводным словом «*итак*».

Рассмотренные выше группы представляют собой повествовательные или побудительные предложения. Между тем восклицательными могут быть и вопросительные предложения, к анализу которых мы переходим далее.

2.3.4. Эротетивные восклицания

Эротетивы — еще одна широко представленная группа в данной классификации (102 примера). Вопросы могут использоваться везде, например, в надписях:

(26)	Почти все объявления начинались призывом: «До каких пор?!» Или: «Сколько можно?!» (46)	Almost all the announcements began with the slogan: “For how long?!” Or “How much can one?!” (27)
------	--	---

Если надпись или объявление, как в примере (26), начинается с восклицательно-вопросительного предложения — это задает определенный настрой всему тексту, всем последующим высказываниям. Естественно, что подобные вопросы встречаются и в речи героев, когда они чем-то возмущены или, возможно, раздосадованы:

(27)	Причем заканчивал ее предупредительным залпом: «Надеюсь, ни у кого не повернется язык обвинить в расизме человека, взявшего на себя труд выучить язык эфиопских евреев?!» (69)	Moreover, he'd end it with a warning salvo: “I hope that no one will have the nerve to accuse of racism a person who has taken upon himself the trouble of learning the language of Ethiopian Jews?!” (42)
------	--	--

В английском аналоге примера (27) после вопроса стоит даже два восклицательных знака, что визуально еще больше подчеркивает эмоциональную составляющую высказывания, еще больше подчеркивает чувства говорящего.

Кроме обычных вопросов можно отдельно выделить риторические, которых в данной группе 20 примеров — все они в тексте не выделены вопросительным знаком, по крайней мере в русском языке.

(28)	— <i>Не понимаю — о чем вообще можно сметь писать, называясь Мишкой Цукесом!</i> (258)	“ <i>I don’t understand — what could one actually dare to write with the name of Mishka Tsukas!</i> ” (160)
------	--	---

Пример (28) показывает возмущение и непонимание говорящего, но, конечно, не подразумевает наличие какого-то конкретного ответа, такая форма просто подчеркивает эмоциональное состояние говорящего при произнесении высказывания. Подобные примеры можно назвать репрезентативы-эротетивы, поскольку они стоят на стыке двух этих классов, по форме являясь повествовательными, а по смыслу вопросительными предложениями. Иногда русский и английский варианты одного и того же текста помогают увидеть разницу в графическом оформлении, а также в интонации, которую вкладывает говорящий:

(29)	— Берегись, — сказал Витя, — если она сейчас перехватит инициативу, она расскажет тебе про всех своих родственников до седьмого колена, ты цыпленка не почувствуешь. — <i>Почему — про всех!</i> — возмутилась Юля. (435)	“Watch out,” Vitya said. “If she takes the initiative now, she’ll tell you all about every single relative, including those seven times removed; you won’t even get to taste your chicken.” “ <i>Why, about everybody?!</i> ” Yulia said all excited. (269)
------	--	--

Пример (29) в русском тексте сопровождается глаголом «*возмутилась*», и именно чувство возмущения заставляет героиню не спросить, а воскликнуть. В английском автор не умаляет восклицательности высказывания, но всё-таки делает его вопросительным, потому что оно начинается с вопросительного слова “*why*”.

Таким образом, мы видим, что одно высказывание может сочетать признаки разных типов (в данном случае, репрезентатива и эротетива). Однако среди всех типов восклицаний выделяются вокативы, которые часто сочетаются с другими типами, они и рассмотрены далее.

2.3.5. Вокативные восклицания

К классу вокативов относятся все обращения, оклики, призывы; это делает его широко распространенным — 95 примеров. Обращение — это необходимый элемент установления речевого контакта; особенностью обращения является то, что оно может быть, как самостоятельным предложением, так и присоединяться к высказываниям других классов. Кроме того, обращения могут быть разнообразными по способам выражения:

(30)	<p>— <i>Кондрат!</i></p> <p>Из-за асбестовой перегородки вылетел пес, тормознул, молотя хвостом, уже зная и радостно предвкушая следующие слова. (147)</p>	<p>“<i>Kondrat!</i>”</p> <p>The dog flew out from behind the asbestos partition and, already knowing and joyfully anticipating her words, heeled, thrashing his tail. (90)</p>
------	--	--

Так, в примере (30) оно выражено именем собственным, которым говорящий выделяет адресата в потоке речи, и совершенно не важно, что в данном случае это обращение к собаке, ведь главное — правильная реакция на высказывание.

(31)	<p>— <i>Уважаемая госпожа редактор!</i></p> <p>Интересуюсь — или вы имеете отношение к Зиновию Соломоновичу, одной с вами фамилии. (73)</p>	<p>“<i>My Dear Miss Editor!</i> I was wondering — might you be related to Zinovii Solomonovich, of the same surname as yours?” (44)</p>
------	---	---

Обращение может отсылать и к профессии адресата, как в примере (31), где оно к тому же дополняется вежливым «*уважаемая*», а в английском сопровождается местоимением “*ты*”, которые подчеркивают официальный характер коммуникации.

Вокативные восклицания могут быть включены в другие высказывания:

(32)	<p>— <i>Рон, вы что — сняли?! —</i></p> <p>испуганно спрашивала Зяма, нашаривая кнопку ночника. (70)</p>	<p>“<i>Ron, what the — have you totally lost it?!</i>”</p> <p>Ziama would ask, groping for the night-light button. (42)</p>
------	--	---

Так, пример (32) — это эротетив, который начинается с обращения, выраженного именем собственным, потому что именно данный человек заставил говорящего задать этот вопрос.

(33)	– <i>Отвори мне, сын человеческий!</i> – попросил он опять. – Ты щас у меня выпью завоюешь и вепрем побежишь. (509)	“ <i>Unlock it for me, Son of Man!</i> ” he requested again. “I shall soon see you saw with the bittern and run with the hedgehog.” (316)
------	--	---

А пример (33) показывает, что с вместе директивом может также использоваться обращение, в том числе возвышенное «сын человеческий» (основной перевод еврейского выражения «бен адам»), которое в тексте произносит герой, считающий себя Мессией и которое стилистически хорошо сочетается с тем, как выражен приказ «Отвори мне», но весьма иронично с его последующей репликой «Ты щас у меня...»

Кроме многочисленных классов, таких как вокативы, есть и классы, в которых примеров в данном материале не так много, например, сатисфактивы.

2.3.6. Сатисфактивные восклицания

За выражение благодарности, извинений и поздравлений отвечает класс, который выделялся всеми исследователями теории речевых актов, однако у всех под разным именем (Дж. Остин — бехабитивы, Дж. Серль — экспрессивы, Г. Г. Почепцов — перформативы). В данной работе мы называем его вслед за Д. Вундерлихом — сатисфактивы.

В тексте романа Дины Рубиной встретилось лишь 2 примера восклицательных сатисфактивов. Один из них выражает извинение, другой — благодарность.

(34)	— Сколько? — с мягким нажимом переспросил он. Зяма очнулась. — <i>Ой, извини!</i> Сорок... (22)	“How old?” he asked again, this time with gentle pressure. Ziama came to. “ <i>Oy, excuse me!</i> Forty.” (13)
------	---	---

В примере (34) из авторского пояснения «очнулась» становится ясно, что до этого героиня задумалась и прежде, чем ответить на вопрос, ей приходится извиниться, — междометие «ой» дополнительно указывает на неожиданность. Окружающие высказывания оказываются очень важны для правильного восприятия сатисфактива.

(35)	<p>— Ну что ж, — сказала она, — остается только от души вас поздравить.</p> <p>— И вас! — воскликнула маленькая женщина. — <i>Я поздравляю весь народ Израиля!</i> (299)</p>	<p>“My goodness, then,” she said, “all that’s left is to congratulate you from the bottom of my heart.”</p> <p>“And you!” the small woman exclaimed. “<i>I congratulate the entire nation of Israel!</i>” (185)</p>
------	--	---

Героиня поздравляет свою собеседницу в примере (35) в ответ на поздравление, которое, однако, было произнесено без особо ярких эмоций. Но учитывая два восклицания в речи «маленькой женщины» подряд, становится ясно, что ее переполняют эмоции, поэтому и поздравление становится восклицательным. К тому же оно обращено ко «всему народу Израиля», что добавляет торжественности.

Итак, мы рассмотрели примеры, выделенные согласно классификации речевых актов, которые составляют подавляющее большинство всех восклицательных предложений в тексте романа. Далее рассмотрены примеры, относящиеся к другим коммуникативным типам.

2.3.7. Фатические восклицания

Фатическая функция языка описывалась в работах Б. Малиновского, Р. О. Якобсона, Т. Д. Чхетиани и других. Очевидно, что обмен ритуальными формулами для установления контакта и поддержания коммуникации является очень важным в речи, поэтому мы непременно выделяем эту группу высказываний среди прочих. Всего в материале исследования 48 примеров

фатических восклицаний, которые могут быть как инициальными, так и реактивными:

(36)	<...> на традиционное субботнее приветствие «Шабат шалом!» ответствовали бодро: «Воистину шалом!»... (45)	<...> vigorously responded to the traditional Sabbath greeting, “Shabbat Shalom,” with: “Verily, He is arisen, Shalom!” (27)
------	---	--

В примере (36) представлен случай шуточной ошибки, когда ответ, принадлежащий к еврейской культуре, смешивается с христианской традицией («Шалом» и «Воистину воскрес»). К тому же интересно отметить, что в переводе первое высказывание становится невосклицательным. Различные приветствия широко распространены среди примеров, в которых реализуется фатическая функция языка.

(37)	— Тогда я включаю открытый эфир. Пожалуйста, кто следующий на связи? — <i>Але!</i> Я Миша из Кфар-Сабы, я хотел... (247)	“In that case, I’ll open up the microphone. Please, our next caller?” “ <i>Howdy!</i> I’m Misha from Kfar-Saba. I wanted — ” (151)
------	---	---

Контактоустанавливающую функцию фатических восклицаний, пожалуй, можно назвать основной, ведь начать разговор важно в любой ситуации. Так, пример (37) показывает начало разговора по телефону, но поскольку герой звонит на радио, за его приветствием и представлением может не последовать ответной реакции. По крайней мере, он не услышит в ответ зеркальное «Але», и его собеседник-ведущий не будет называть свое имя, поскольку они в прямом эфире и имя ведущего уже всем известно.

Реактивная функция не менее важна, чем контактоустанавливающая:

(38)	— Обдираловка, — сказала Зяма. — <i>Конечно!</i> А кто, кроме меня, согласился бы на это? (56)	“A swindle,” Ziama said. “ <i>Of course!</i> And who, but me, would agree to it?” (34)
------	---	---

(39)	<p>— Спасибо, сынок, — сказала она. — А может быть, наоборот — добавим денег и купим квартиру побольше, чтоб у тебя была своя комната?</p> <p>— <i>Нет!</i> — горячо и твердо возразил он. — Это твои деньги, и лучше всего расплатиться с банком. (378)</p>	<p>“Thank you, darling,” she said. “But maybe the opposite — we’ll add some money and buy a little bigger apartment so you can have your own room?”</p> <p>“No!” he objected hotly and firmly. “It’s your money, and the best thing is to pay off the bank.” (233)</p>
------	--	--

Важной частью фатических высказываний являются согласия (пример 38), которые могут быть выражены восклицаниями: «*да!*», «*конечно!*», «*разумеется!*», и несогласия (пример 39), чаще всего выраженные восклицанием «*нет!*» и его вариантами «*конечно, нет!*», «*совсем нет*».

Иногда схожими с данным классом фатическими функциями могут обладать некоторые междометия и неделимые высказывания, которые в нашей классификации рассмотрены отдельно.

2.3.8. Релятивные восклицания

Релятивы (или коммуникативы) активно исследуются в современной лингвистике и представляют собой такие единицы речи, которые помогают выражать говорящим эмоции и чувства, а также делают речь более живой (Казачихина 2008: 115–116). Термин «релятив» одной из первых употребила Валимова (1971), также он используется Земской, Сиротининой, Гастевой и др. Д. И. Квеселевич и В. П. Сасина в предисловии к Русско-английскому словарю междометий говорят о том, что в этот словарь также включены релятивы — слова, обозначающие реакцию на слова собеседника и ситуацию. В центр функционального поля релятивов помещены междометия, как слова, выражающие чувства и волеизъявления говорящего. Этикетные формулы также приписаны к разряду релятивных междометий, которые не только выступают сигналами чувств, но и дают им номинацию. В целом к релятивам причисляются:

- 1) Эмоциональные и императивные междометия (*ай!* *увы!* *ура!*);

2) релятивы, восходящие к иным частям речи: а) неидиоматические (*ужас! ладно!*); б) идиоматические (*валяй! допрыгался!*);

3) сверхсловные релятивы а) неидиоматические (*не выйдет! подумать только!*); б) идиоматические (*держи карман шире! скатертью дорога!*) (Квеселевич, Сасина, 2001: 6–8).

Вслед за Квеселевичем и Сасиной в класс релятивных восклицаний мы выделяем междометия и неделимые сверхсловные высказывания. Всего в материале выделено 82 примера, относящихся к данной категории, 36 из которых являются одиночными междометиями.

Например, для междометия «О» в Русско-английском словаре междометий выделено 5 функций употребления:

- 1) для усиления экспрессивности высказывания;
- 2) в риторическом обращении для усиления его выразительности;
- 3) для выражения чувства боли, отчаяния;
- 4) для выражения удивления;
- 5) при принятии решения, при приходе к какому-либо выводу (Квеселевич, Сасина, 2001: 238–239).

Именно в такой пятой функции и используется междометие «O!» в примере (40):

(40)	— O! Что положительного в миллионере было, так это, что выпивки много привез. Ты ж понимаешь, мой бюджет от всего этого безобразия треснул бы по швам. (499)	“ <i>Heh!</i> The one positive thing about the millionaire, is that he brought a lot of liquid. You understand, of course, that my budget has gone to the dogs from all this madness.” (309)
------	--	--

Герой с удивлением приходит к выводу, что не всё в его госте-миллионере было плохо и принесло лишь ущерб, поэтому его высказывание начинается с отдельно стоящего восклицательного междометия. Но междометия могут использоваться и в косвенной речи в авторском повествовании:

(41)	В нем погибает неплохой комедийный актер. Какой там « <i>вах!</i> » — и он еле ползает от жары. (79)	A fair-to-middling comedic actor is perishing within him. What sort of “wow!” could it be — he too is nearly melting from the heat. (48)
------	--	--

Словами автора явно передаются мысли героини, и это междометие «*вах!*», услышанное от собеседника, так и сохраняется в форме восторженного восклицания. Однако кроме междометий в тексте романа встречаются примеры неделимых высказываний:

(42)	Он испуганно воскликнет: — <i>Ты что, не дай Бог!</i> (37)	And he'll exclaim in fright: “ <i>What's the matter with you — God forbid!</i> ” (22)
------	---	---

Высказывание «*ты что*» в Русско-английском словаре междометий классифицируется как способ выражения удивления, недоумения по поводу поведения кого-либо, а «*не дай бог*» — как выражение предостережения о нежелательности или недопустимости чего-либо (Квеселевич, Сасина 2001: 202, 346). Таким образом, в примере (42) герой испуганно восклицает, объединяя в одно высказывание целых два неделимых релятива. Это ярко характеризует его ответ как эмоциональную спонтанную реакцию на сообщение его собеседника. Суеверные восклицания часто встречаются среди релятивных:

(43)	— Сева повесился. — <i>Боже мой!</i> — ахнул Рабинович. — Удачно? (513)	“Seva hanged himself.” “ <i>My God!</i> ” Rabinovich exclaimed. “Did he succeed?” (318)
------	---	---

С помощью восклицания «*Боже мой!*» (пример 43) одновременно выражается чувство взволнованности и неожиданность, заставляющая человека ответить на предыдущее высказывание такой спонтанной реакцией. Это высказывание по смыслу может быть заменено междометием «*Ах!*».

Такие же неделимые высказывания могут встречаться и в речи автора:

(44)	Ну, понятно, крепче уже стали предупреждать: не учи, сука, ученых и бывалых... <i>Куда там!</i> (41)	So, understandably, he'd now have to be warned more firmly: don't try, you bastard, to teach the educated and worldly-wise... <i>Fat</i>
------	--	--

		<i>chance!</i> (25)
--	--	---------------------

«Куда там» употребляется при возражении на чужие слова или при внесении поправки к своим (Квеселевич, Сасина 2001: 174). Здесь (пример 44) автор восклицает, показывая возражение на то, что пытались сообщить его героям.

Несмотря на то, что релятивы могут восходить к разным частям речи, всё же некоторые высказывания, выражающие повышенную эмоциональность должны быть отнесены к другим классам.

2.3.9. Назывные восклицания

К классу назывных восклицаний относятся любые назывные предложения, которые становятся восклицательными только в данном конкретном контексте и других обстоятельствах могли бы и не быть такими. Они не могут быть предугаданы в словаре, потому что их восклицательность — это отношение героя к данной ситуации. В тексте романа «Вот идёт Мессия!..» таких восклицаний достаточно много — 92 примера.

(45)	Сзади щелкнул затвор оружия. <i>Шея!!!</i> Она рывком — как всегда, нелепо, жалко дернувшись, — оглянулась. (15)	A gun's breech-block clicked from behind. <i>Her neck!!</i> With a start — jerking herself pathetically, ridiculously, as always — she glanced back. (8)
------	--	---

Есть примеры употребления таких восклицаний в авторской речи (пример 45), когда нужно привлечь внимание к тому, на что его обращает герой. При этом в русском тексте стоит тройной восклицательный знак, а в английском аналоге только двойной. Такое же отличие в графическом оформлении наблюдается в примере (46).

(46)	— <i>Шашлык!!!</i> — заорала она. — Я обожаю шашлык! (471)	“ <i>Shashlik!!</i> ” she howled. “I adore shashlik!” (292)
------	---	--

Здесь в порыве чувств героиня подчеркнуто-восклицательно называет то, что она видит, при этом следующим высказыванием поясняет свою бурную реакцию. Иногда к назывным высказываниям могут добавляться междометия:

(47)	— <i>Ну, гонорар!</i> — воскликнул он бодро. — Это не главное в творчестве, а лишь незначительное производное. (10)	“ <i>What do you know, an honorarium!</i> ” he exclaimed heartily. “That’s not the most important aspect of creative work — merely an insignificant by-product.” (5)
------	--	--

Междометие «ну» — одно из самых многозначных в русском языке: в примере (47) оно выражает требование не упоминать следующее за ним наименование. Именно благодаря междометию и появляется повод произнести это высказывание с восклицательной интонацией.

Однако кроме назывных высказываний есть еще один класс, отделяемый нами от фатических и релятивных восклицаний.

2.3.10. Оценочные восклицания

Все оценочные высказывания, начинаются с восклицательных частиц *как*, *какой*, *такой*, поэтому постановка восклицательного знака в них обязательна. Таких примеров в нашем исследовании 67.

(48)	— Да, говорит, <i>как красиво говорите, и как убедительно!</i> (54)	‘Yes,’ he says, ‘ <i>so prettily you speak and so convincingly!</i> ’ (33)
------	---	--

В примере (48) описывается красота и убедительности речи, при этом дважды используется частица «как», вследствие чего простое повествование превращается в восклицание. В данном случае восклицательная интонация сопровождает оценочное высказывание, то же самое наблюдаем в примере (49):

(49)	— Они займут весь автобус, эти «Голани», — неодобрительно заметил один из летчиков. — <i>Такие наглые!</i> (24)	“They’re taking up the whole bus, these ‘Golaners’,” one of the pilots observed with disapproval. “ <i>Insolent twerps!</i> ” (14)
------	--	--

Неодобрительное отношение к группе людей также подчеркивается восклицанием говорящего, хотя оно сказано в сторону, а не напрямую тем людям, к которым относится. Конечно, такие оценочные восклицания возможны и в авторской речи:

(50)	Писательница N. выпила воды из крана — <i>о, какая мерзкая вода в этой земле, текущей молоком и медом!..</i> (102)	Writer N. gulped some water from the tap — <i>oh, what foul water in this land flowing with milk and honey!...</i> (62)
------	--	---

В несобственно-прямой речи в примере (50) вновь передается размышление героини. Стоящее в начале междометие «о» вместе с частицей «какая» обязывают поставить в конце этого описания качества воды восклицательный знак.

Это последний коммуникативный тип в нашей классификации, однако важно отметить, что далеко не всегда все типы восклицательных предложений четко отделяются друг от друга. Следует рассмотреть комплексные ситуации их употребления.

2.4. Комплексные ситуации

Нами уже рассматривались примеры, в которых одновременно используются вокативы или междометия с восклицаниями из других классов, однако часто в диалогах, окрашенных экспрессивной интонацией, встречается несколько разных восклицательных высказываний подряд.

(51)	— <i>Вырежу!</i> — пообещал он. — Оборву на стихах Ромельта и пушу Дюка Эллингтона... <i>Хороша, нечего сказать!</i> Гонорар, жалованье, деньги... (10)	“ <i>I’m cutting it out!</i> ” he promised. “I’ll cut a Romelt’s poems and splice in Duke Ellington... <i>Sweetie, what were you thinking!</i> Honorarium, salaries, money...” (5)
------	---	--

Недовольство говорящего в примере (51) выражается в двух эмоциональных высказываниях, одно из которых представляет собой комиссив (обещание того, что вырежет часть из записи при монтаже звука), а второе — неделимое выражение «*нечего сказать*», с помощью которого передается возмущение кем-либо или чем-либо (Квеселевич, Сасина, 2001: 211). В данном случае — это возмущение тем, что было сказано ранее собеседницей героя. Иногда несколько восклицаний разного типа могут встретиться подряд:

(52)	— <i>Евреи и арабы! Да помиритесь вы, черти! Чего не поделили-то?! (42)</i>	<i>Jews and Arabs! Come on, what the hell — make peace! Why haven't you divvied things up, for gosh sakes?! (25)</i>
------	---	--

В речи одного героя в примере (52) подряд идут вокативное, директивное (с дополнительным обращением) и эротетивное восклицания. При этом все три наделены особой эмоциональностью, что отражается в графическом оформлении, как в русском, так и в английском тексте. Порой эмоционально насыщен весь диалог, а не речь одного персонажа:

(53)	<p>— <i>Ну, прекрасно!</i> — стараясь, чтобы в голосе не прозвучало раздражения, заметила писательница N.</p> <p>— <i>Прекрасно!</i> — подхватила старуха со странным азартом. — <i>Однако, угадайте — под что выбивают ему деньги на билет его здешние ученики и бывшие коллеги?! Под то, что он привезет мозг Ленина!</i></p> <p>— <i>Идите!</i> — сказала писательница N. с недоверием.</p> <p>— <i>Да-да!</i> — Голос старухи звенел от удовольствия. (314)</p>	<p>“<i>Well, isn't that wonderful!</i>” commented Writer N., making an effort to prevent her voice from revealing her irritation.</p> <p>“<i>Wonderful!</i>” the old woman chimed in with a strange fervor. “<i>However, take a guess — to what end are his students and former colleagues here coughing up money for his ticket?! To this end: so that he can bring Lenin's brain!</i>”</p> <p>“<i>Go on!</i>” Writer N. said in disbelief.</p> <p>“<i>Oh yes!</i>” the old woman's voice rang with pleasure. (194)</p>
------	---	--

Так, в примере (53) собеседницы обмениваются исключительно восклицательными репликами, на них построен весь диалог. И если начинается всё с раздраженного релятивного «*Ну, прекрасно!*», используемого с междометием и реакции «*Прекрасно!*» на него, то в ходе диалога эмоции меняются. В середине диалога с помощью эротетива и репрезентатива, произнесенных «*со странным азартом*», одной из собеседниц удается заинтересовать другую, о чем свидетельствует восклицание «*Идите!*», хоть и

недоверчивое, но уже не раздраженное. И конечно, очевидна попытка снять это недоверие повтором фатического согласия «да».

Конечно, такой пример диалога скорее исключение, однако количество экспрессивных высказываний полностью соответствует особенностям женской речи, а в данном случае и автор, и героини женщины. Однако невозможно сказать, как бы себя повели собеседники-мужчины в подобной ситуации. При рассмотрении диалогов между двумя мужчинами нужно понимать разницу в ситуациях общения. В примере (54) оба мужчины уставшие, но это не мешает им то и дело что-то восклицать:

(54)	<p>Они и сами с трудом держались на ногах. Но сообща подняли стол и стулья, Сашка даже принес веник с совком и, тяжело кряхтя, подмел пол.</p> <p>— <i>Сколько закуси!</i> — с горечью проговорил он. — <i>Салаты, мясо, рыба!</i> Гудеть бы и гудеть, как люди... Доктор, все-таки люмпен, он и с миллионами — люмпен, а?</p> <p>— Может, мясо обтереть? — предложил Доктор. — Сдуй с него пыль.</p> <p>— Ты что, а микробы?</p> <p>— <i>А ты и микробы сдуй!</i> Верь мне, я доктор.</p> <p>— <i>Смотри, а бутылки-то: ни одна не разбилась!</i> Давай выпьем. (492)</p>	<p>They themselves were having trouble standing on their feet. But together they turned the table and chairs upright; Sashka even brought out a broom and dustpan and, wheezing heavily, swept the floor.</p> <p><i>“All the food!”</i> he said bitterly. <i>“Salads, meat, fish!</i> He sure knows how to tie one on, like a real person... Doc, he’s lumpen all the same, he with his millions — lumpen, eh?”</p> <p>“Wipe off the meat?” Doc suggested. “Blow the dust off it.”</p> <p>“What’s with you — and the germs?”</p> <p><i>“So blow the germs off too!</i> Listen to me, I’m a doctor.”</p> <p><i>“But look — the bottles: not a single one broke!</i> Let’s have a drink.” (305)</p>
------	--	---

Два назывных восклицания передают чувство досады и горечи об утраченной еде, но не вызывают настолько сильных эмоциональных переживаний, чтобы и все последующие высказывания сделать восклицательными. Лишь требование сдуть микробов и призыв обратить

внимание на сохранившийся алкоголь высказываются с повышенной экспрессивностью. Однако приведенный выше диалог в целом можно считать нейтральным, как и другой «мужской» диалог в примере (55):

(55)	<p>— Юрик, а помнишь, как мы в садике пели «<i>В лесу родилась елочка!</i>» и звали: «<i>Снегурочка, явись!</i>» ...А воспиталка Марина кричала: «<i>Детки, не шумите, соблюдайте порядок! Если будет такой бардак, Снегурочка не явится!</i>» А еще она говорила: «<i>Нашим детям подарки приносит Дед Мороз, а американским — Ку-Клукс-Клаус...</i>»</p> <p>— <i>Господи, как ты мне надоел!</i> — сказал Ури Бар-Ханина. — Ты всё врешь, всё по-прежнему... Слава Богу, что на меня это давно не действует.</p> <p>(365)</p>	<p>“Yurik, do you remember how in kindergarten we’d sing ‘<i>Deep in the woods a little fir!</i>’ and would call out ‘<i>Snow-Maiden — appear!</i>’ ...And Nanny Marina would cry, ‘<i>Children, don’t make noise; remain orderly! With such chaos, the Snow-Maiden will not appear!</i>’ And she’d also say, ‘Our children will be brought presents by Grandpa Frost, but American children — by Ku-Klux-Klaus’.”</p> <p>“<i>God, but I’m sick to death of you!</i>” Uri Bar-Chanina said. “You’re always lying, same as before... Thank God that no longer has any affect on me.” (226)</p>
------	---	---

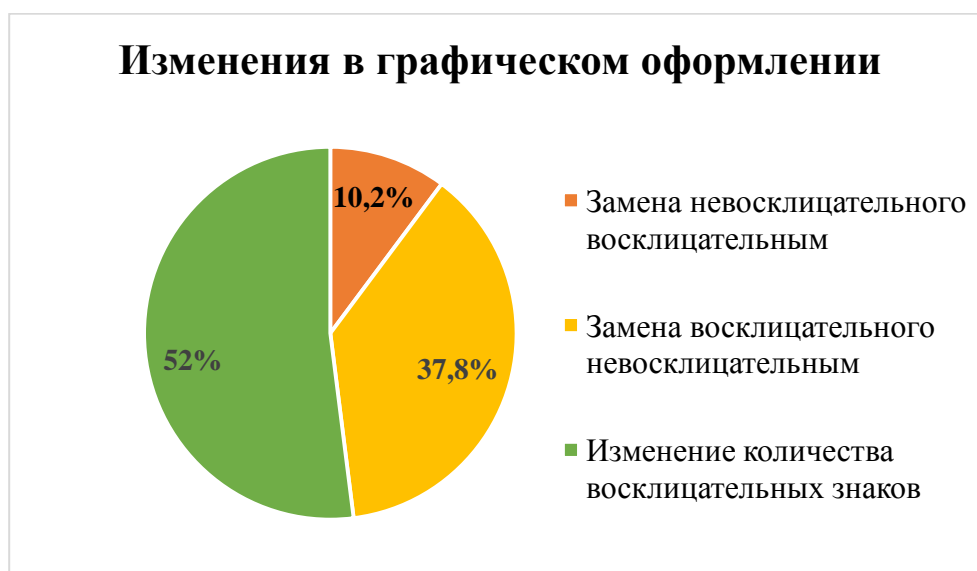
Здесь большая часть восклицательных высказываний — это либо цитаты из женской речи (воспиталки Марины), либо название песни («*В лесу родилась елочка!*»), поэтому нельзя сказать, что в них каким-то образом отражаются особенности речи первого собеседника. При ответе второй собеседник использует производное междометие «*Господи*», которое выражает досаду, недовольство или удивление (Квеселевич, Сасина, 2001: 103) и, как правило, требует постановки восклицательного знака.

Таким образом, при анализе комплексных ситуаций употребления восклицаний можно видеть, как все выделенные типы функционируют в живой речи. При этом кроме прагматического потенциала, в диалогах раскрываются и гендерные особенности.

Выводы по главе II

1. Итак, в практической главе нашей работы рассмотрены восклицательные высказывания в тексте романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» и особенности их перевода на английский язык. Анализ собранного корпуса примеров проводился по двум направлениям: рассмотрение отличий в графическом оформлении восклицаний между русским и английским текстом и выделение коммуникативных типов восклицательных высказываний. Результаты исследований наглядно представлены на диаграммах ниже.

2. Всего в текстах выявлено 98 случаев изменения пунктуационного оформления восклицательного предложения при его переводе на английский язык: в 10 случаях невосклицательное предложение в оригинальном тексте было заменено на восклицательное в переводе, в 37 случаях произошла обратная замена; во всех остальных менялось лишь количество восклицательных знаков на конце предложения без изменения цели высказывания. В результате количество восклицательных высказываний в русском тексте выше, чем в английском, и поскольку это один и тот же текст, изначально написанный женщиной, в ходе перевода трансформированный мужчиной, можно сделать предположение, что на количество восклицаний повлияли гендерные особенности речевого поведения.

3. При классификации высказываний на основе их прагматической направленности были выделены 10 типов восклицаний. Наибольшее количество в тексте представлено репрезентативными (242), директивными (166), эротетивными (102), вокативными (95), комиссивными (94) и назывными (92) восклицаниями. Также выделяются группы релятивных (82), оценочные (67), фатических (48) и сатисфактивных (2). На диаграмме типы представлены в том порядке, в котором они рассматривались в работе.

4. Важно отметить, что выделенные классы восклицаний не существуют отдельно друг от друга, а находятся в тесном взаимодействии, поэтому нами были рассмотрены комплексные ситуации их употребления. Такой анализ позволяет не только оценить насыщенность текста эмоциональными высказываниями, но и проследить особенности речи персонажей.

Заключение

Настоящая работа посвящена исследованию эмоционально-окрашенных высказываний в современной женской прозе.

Среди исследователей не существует единого мнения о месте восклицаний среди коммуникативных типов предложений. Мы исходим из того, что любое предложение (повествовательное, вопросительное, побудительное) может стать восклицательным. Это происходит в том случае, если высказывание приобретает дополнительную эмоциональную окраску и передает определенную экспрессивность.

Такие высказывания, согласно многим исследованиям, чаще встречаются в речи женщин, чем мужчин. Женская речь описывается как более эмоциональная, насыщенная формами вежливости, междометиями и уменьшительно-ласкательными словами, в отличие от речи мужчин, коммуникация которых в большей мере нацелена на результат.

В ходе исследования был проведен анализ эмоционально окрашенных восклицательных предложений на материале романа Дины Рубиной «Вот идёт Мессия!..» и его перевода на английский язык по двум направлениям: 1) особенности графического оформления в русском тексте и переводе на английский язык; 2) коммуникативные типы таких высказываний.

Было выявлено, что среди случаев различия пунктуационного оформления восклицательного предложения в русском тексте оригинала и в английском тексте перевода можно выделить, во-первых, те, которые обусловлены особенностями языков, и, во-вторых, те, которые были сделаны исключительно по желанию переводчика. Стоит отметить, что перевод женского романа был выполнен мужчиной, и это, как нам кажется, является причиной второго типа замен. Даже при такой трансформации текста, как перевод, мужчина старается уменьшить количество восклицательных

предложений или, по крайней мере, сделать их менее выделенными (изменение тройного восклицательного знака на двойной).

В ходе классифицирования коммуникативных типов восклицательных высказываний было выделено 10 групп. 6 из них выделяется нами вслед за классификацией речевых актов: репрезентативы, директивы, комиссивы, эротетивы, вокативы и сатисфактивы; кроме того, дополнительно к ним были выделены назывные, оценочные, фатические и релятивные высказывания. Каждая из данных групп содержит восклицания, употребляющиеся в разных ситуациях общения.

В результате анализа также было выявлено, что в одном диалоге или фрагменте авторского повествования может наблюдаться взаимодействие различных типов восклицательных высказываний. В тесной связи могут использоваться, например, вокативы, директивы и оценочные восклицания.

Подводя итог, стоит отметить, что, хотя гипотеза исследования и нашла подтверждение, вопрос об особенностях употребления восклицательных предложений в женской прозе сравнительно с мужской, конечно, не может считаться окончательно решенным. Необходимо дальнейшее изучение функционирования восклицательных высказываний в тексте современного женского романа с привлечением нового материала.

Библиография

1. *Акимова Г. Н.* Новое в синтаксисе современного русского языка: учеб. пособие. — М.: Высшая школа, 1990. — 168 с.
2. *Акимова Г. Н., Вяткина С. В., Казаков В. П., Руднев Д. В.* Синтаксис современного русского языка. — СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. — 347 с.
3. *Александрова О. В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка. — М.: Высшая школа, 1984. — 211 с.
4. *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык: в 3-х ч. Ч. 3 Синтаксис. Пунктуация. — М.: Просвещение, 1987. — 256 с.
5. *Баскакова Е. С.* Экспрессивные синтаксические конструкции: перевод и их влияние на скрытые характеристики текста (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на английский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2009. — 22 с.
6. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. — М.: Русские словари, 1996. — Т.5. — С.159–206.
7. *Беляева М. А.* Грамматика английского языка: учеб. пособие для неяз. вузов. — М.: Высшая школа, 1971. — 333 с.
8. *Брандт Г. А.* Природа женщин как проблема: Концепция феминизма // Общественные науки и современность. — 1998. — № 2. — С. 167–189.
9. *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. — М.: Прогресс, 1993. — 501 с.
10. *Валгина Н. С.* Современный русский язык: Синтаксис. — М.: Высшая школа, 2003. — 416 с.
11. *Виноградов В. В.* Русский язык: грамматическое учение о слове. — М.: Высшая школа, 1972. — 616 с.
12. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.

13. *Габриэлян Н. М.* Ева — это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. — 1996. — №4. — С. 31–71.
14. *Гак В. Г.* Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. — С. 349–371.
15. *Гак В. Г.* Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. In memoiam Е.М.Вольф. — М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. — С. 20–31.
16. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
17. *Галкина-Федорук Е. М.* Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. ст. по языкознанию 60-летию В.В. Виноградова. — М.: Изд-во МГУ, 1958. — С. 103–124.
18. Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. 1. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 702 с.
19. *Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г.* Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 285 с.
20. *Казачихина И. А.* Коммуникативы как объект описания в учебном пособии словарного типа // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — СПб., 2008. — №26(60): Аспирантские тетради. — С.115–119.
21. *Квеселевич Д. И., Сасина В. П.* Предисловие // Русско-английский словарь междометий. — М.: Астрель, 2001. — С. 6–9.
22. *Киселёва Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. — 160 с.
23. *Коростова С. В.* Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии // Известия Российского

- государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — №103. — С. 85–92.
24. *Куралёва Т. В.* Экспрессивные свойства расщепленных предложений в современном английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов. — 2013. — № 5 (23): в 2-х ч. Ч. I. — С. 83–85.
25. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. — 203 с.
26. *Лукьянова Н. А.* Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. — Новосибирск: НГУ, 1991. — С. 3–23.
27. *Матвеева Т. В.* Лексическая экспрессивность в языке. — Свердловск: УрГУ, 1986. — 92 с.
28. *Мильчин А. Э.* Методика редактирования текста. — М.: Логос, 2005. — 524 с.
29. *Нистратова С. Л.* К вопросу о системе экспрессивных синтаксических средств в научной речи // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — С. 142–150.
30. *Петрова Е. С.* Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. — СПб., М.: Academia, Филологический ф-т СПбГУ, 2011. — 368 с.
31. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
32. *Писарев Д. С.* Функционирование восклицательных предложений в современном французском языке и их прагматический аспект //

- Прагматические аспекты функционирования языка. — Барнаул., 1983. — С. 114–125.
33. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. — М.: Эксмо, 2007. — 480 с.
34. *Пушкарева Н. Л.* Гендерная лингвистика и исторические науки // Этнографическое обозрение. — 2001. — №2. — С. 31–40.
35. *Рубина Д.* Ни жеста, ни слова // Вопросы литературы. — 1999. — №3. — С. 271–287.
36. Русская грамматика: в 2-х т. Т. 2. Синтаксис // гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — 713 с.
37. *Сатклифф Б.* Критика о современной женской прозе // Филологические науки. — 2000. — № 3. — С. 117–132.
38. *Серль Дж. Р.* Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151–170.
39. *Серль Дж. Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 170–195.
40. *Скрипак И. А.* Экспрессивный синтаксис в текстах научного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов. — 2013. — №4 (22): в 2-х ч. Ч. II. — С. 170–173.
41. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Редакция Ш. Балли и А. Сеше. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.
42. *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 560 с.
43. *Трофимова Е. И.* Женская литература и книгоиздание в современной России // Общественные науки и современность. — 1998. — № 5. — С. 147–156.

44. *Чайковский Р. Р.* Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Уч. записки МГПИИЯ им. М. Горького. Вопросы романо-германской филологии. — М., 1971. — Т. 64. — С. 196–200.
45. *Чахоян Л. П.* Синтаксис диалогической речи современного английского языка. — М.: Высшая школа, 1979. — 168 с.
46. *Шаховский В. И.* Экспрессивность и оценка — компоненты детонации // Образные и экспрессивные средства языка. — Ростов-на-Дону: Ростовский гос. пед. университет, 1986. — С. 31–38.
47. *Шаховский В. И.* Эмотивный компонент значения и методы его описания. — Волгоград: Изд-во ВГПИ им. А. С. Серафимовича, 1983. — 96 с.
48. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — М.: ЛКИ, 2008. — 208 с.
49. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 256 с.
50. *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. — С. 24–39.
51. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». — М.: Прогресс, 1975. — С. 193–231.
52. *Austin J. L.* How to do things with words. — Oxford: Oxford University Press, 1962. — 170 p.
53. *Biber D., Johansson S.* Longman Grammar of Spoken and Written English. — London: Pearson Education ESL, 2007. — 1203 p.
54. *Blokh M. Y.* A Course in English Theoretical Grammar. — М.: Vyshaya Shkola, 1983. — 383 p.

55. *Crystal D.* A liturgical language in a sociolinguistic perspective // Language and the worship of the church / D. & R.C.D. Jasper (eds). — Basingstoke: Macmillan Publishers Limited, 1990. — P. 120–146.
56. *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of the English Language. — Cambridge: Cambridge University Press, 1997. — 524 p.
57. *Downing A., Locke Ph.* English Grammar. A University Course. — NY: Routledge, 2006. — 610 p.
58. *Halliday M. A. K.* Methods — techniques — problems // Continuum Companion to Systematic Functional Linguistics // Edited by M. A. K. Halliday and Jonathan J. Webster. — L.: Bloomsbury, 2009. — P. 59–86.
59. *Leech G., Svartvik J.* A Communicative Grammar of English. — London: Routledge, 2002. — 456 p.
60. *Quirk R., Greenbaum S.* A University Grammar of English. — London: Longman, 1976. — 502 p.
61. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Grammar of Contemporary English. — London: Longman, 1972. — 922 p.
62. *Shadrin V. I.* Student's Guide to Theoretical English Grammar. — SPb: Izd-vo St. Pet, Uni-ta, 1997. — 107 p.
63. *Stilman A.* Grammatically Correct: The Writer's Essential Guide to Punctuation, Spelling, Style, Usage and Grammar. — Cincinnati: Writer's Digest Books, 1997. — 328 p.
64. *Woods G.* Webster's New World Punctuation: simplified and applied. — NJ.: Wiley Publishing, Inc, 2006. — 348 p.
65. *Wunderlich D.* Studien zur Sprechakttheorie. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. — 416 S.

Список словарей и справочников

1. Мессия // Краткая еврейская энциклопедия. — Иерусалим, 1976–2005. — Т. 5 (1990). — Стлб. 307–314. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/12735> (дата обращения: 20.05.16).
2. Русско-английский словарь междометий / Под ред. Д. И. Квеселевич, В. П. Сасина. — М.: Астрель, 2001. — 512 с.
3. Словарь психологических терминов [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.psychologist.ru/dictionary_of_terms/index.htm?id=2920 (дата обращения: 20.05.16).
4. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с.

Электронные ресурсы

1. *Крейдлин Г. Е.* Мужчины и женщины в диалоге I: невербальные гендерные стереотипы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции Диалог 2003, 11 — 16 июня 2003 г. — [Электронный ресурс] — С. 337–345. — Режим доступа: <http://anna-ganzha.narod.ru/kreidlin.doc> (дата обращения: 20.05.16).
2. *Носкова С. Э.* Эмоционально-оценочный дискурс в ситуации учебного взаимодействия // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». [Электронный ресурс] — 2005. — Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/001/01_2-003.htm (дата обращения: 20.05.16).
3. *Норман Б.* Экспрессивно-оценочная лексика в непредикатной позиции. [Электронный ресурс] — 2007. — Режим доступа: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0350-185X/2007/0350-185X0763067N.pdf>
4. *Рубина Д.* Биография // Личный сайт Дины Рубиной. [Электронный ресурс] — 2014. — Режим доступа: <http://www.dinarubina.com/biography.html> (дата обращения: 20.05.16).

5. *Савкина И.* Женская проза и гендер в современной литературной критике (на примере журнала «Дружба народов») [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/savkina_c.htm (дата обращения: 20.05.16).
6. *Сороколетова Н. Ю.* Гендерные особенности речевого поведения // Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов. Материалы Международной научной конференции. г. Волгоград, 12-14 апреля 2010. [Электронный ресурс]. — Волгоград, 2010. — Режим доступа: www.volsu.ru/download.php?id=00000026213-1.pdf.
7. *Тамбиева К. Т.* Гендерный аспект мужской и женской разговорной речи [Электронный ресурс] — 2009. — Режим доступа: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading2009/V/uch_2009_V_00047.pdf (дата обращения: 20.05.16).
8. *Ткаченко Л. Н.* Проблема эмотивности и экспрессивности текста // Конференция «Ломоносов 2011» / Секция «Иностранные языки и регионоведение» [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1241/17621_dc19.pdf (дата обращения: 20.05.16).
9. *Шаховский В. И.* Реализация эмотивного кода в языковой игре // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». [Электронный ресурс] — 2005. — Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/001/01_1-002.htm (дата обращения: 20.05.16).
10. *Широкова С.* У «женской прозы» свои секреты // Известия. — 2007. — 6 марта. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/322353> (дата обращения: 20.05.16).
11. *Merchant K.* How Men And Women Differ: Gender Differences in Communication Styles, Influence Tactics, and Leadership Styles. — СМС Senior Theses. Paper 513. [Электронный ресурс] — 2012. — Режим

доступа:

http://scholarship.claremont.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1521&context=mc_theses (дата обращения: 20.05.16).